

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ
И ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ**

**Выпуск 6
В четырёх томах**

**Том 3
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

**Казань
ЮНИВЕРСУМ
2007**

УДК 72
ББК 030
У 91

*ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ
И ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ*

Научный редактор: К.Н. Пономарев

Редакционная коллегия: М.М. Галимов, М.Д. Щелкунов, М.Х. Фарукшин,
И.З. Шахнина, О.И. Алеев, В.И. Зуев,
С.Н. Астахов, М.Н. Александрова

У91 Ученые записки Института социальных и гуманитарных знаний: В 4 т. –
Казань: Изд-во «Юниверсум», 2007. – (Вып. 6).

Т.3. – 2007. – 83 с.
ISBN 0-00000-000-8

Ученые записки Института социальных и гуманитарных знаний представляют собой сборник научных статей за 2006-2007 гг. в четырёх томах.

Третий том посвящен проблемам права и правоприменения.

Материалы сборника предназначены для студентов, аспирантов, преподавателей, научных работников, специалистов в данных областях.

УДК 72
ББК 030

ISBN 0-00000-000-8 (т.3)

© Александрова М.Н., Астахов С.Н., составление, 2007
© Оформление. Издательство «Юниверсум», 2007

М.М. Галимов

кандидат юридических наук, профессор ИСГЗ,
зав. кафедрой Гражданского права ИСГЗ

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РОЛЬ НАКАЗАНИЯ

Многие юристы считают, что принуждение не выступает в качестве средства воспитания трудящихся, что оно является самостоятельным фактором, особым образом воздействующим на правовое сознание граждан. Однако в таком случае возникает вопрос: как же осуществляется воспитание в процессе правового наказания? Ответ на него может быть дан лишь после определения содержания и цели наказания как специфически юридического явления. Последнее же тесно связано с юридической ответственностью, с правовым принуждением. Поэтому первоначально необходимо выяснить соотношения между правовым принуждением, юридической ответственностью и наказанием.

Нужно сказать, что по этой проблеме в нашей правовой литературе высказаны различные мнения. Однако, несмотря на имеющиеся расхождения по отдельным вопросам, все они, как нам думается, в общем плане могут быть сведены к двум позициям. Согласно одной точке зрения, юридическая ответственность – это кара за невыполнение или ненадлежащее исполнение обязанности. Сторонники другой точки зрения полагают, что юридическую ответственность нужно понимать более широко. По их мнению, мерами юридической ответственности являются не только дополнительно обременяющие правонарушителя обязанности, но и государственное при-

нуждение к исполнению неисполненной добровольной обязанности.

В этой связи следует, прежде всего, заметить, что, действительно, не всегда нормы права исполняются и соблюдаются добровольно, а правовые обязанности реализуются без вмешательства государственных и общественных органов. Поэтому нередко приходится прибегать к принуждению. Однако, как мы считаем, было бы неверно рассматривать принуждение, применяемое в целях правового регулирования общественных отношений, как единое целое. Думается, что его следует различать, по крайней мере, в двух плоскостях. Прежде всего, принуждение выступает в качестве средства воздействия к исполнению обязанности. Если такая цель достигается, то соответствующие органы считают свою задачу выполненной. Например, с лица постоянно взыскиваются алименты; гражданин, самовольно занявший квартиру, выселяется и возвращается на прежнюю жилплощадь; ответчику приходится возвращать истцу нанесенный материальный ущерб; владелец машины принуждается к транспортировке пострадавших при автоаварии в больницу и т.п. – в подобных случаях принуждение выступает в своей наиболее «легкой» форме.

Однако часто при помощи такой формы принуждения все же не удается обеспечить желаемые последствия. Например, с лица в течение определенного времени взыскивались алименты, а затем он стал скрываться от судебных органов. В других случаях, при совершении преступлений и проступков, с одной стороны, налицо явный антиобщественный характер неисполнения обязанности, и, в то же время, нельзя вести речь о принуждении к исполнению обязанности, которая оказалась нарушенной. Поэтому при подобных фактах принуждение выступает в

качестве наиболее репрессивной формы – как юридическая ответственность за неисполнение правовой обязанности, как наказание, как кара за содеянное. Причем нередко принуждение применяется одновременно в обеих формах.

Например, лицо отбывает уголовное наказание за злостное уклонение от уплаты алиментов. Здесь назначенная мера наказания выступает в качестве юридической ответственности, и одновременно с виновного в правонарушении взыскиваются алименты в пользу детей или родителей.

Таким образом, как мы полагаем, понятия «правовое принуждение» и «юридическая ответственность» не равнозначны. Юридическая ответственность – это только одно из конкретных проявлений принуждения.

Содержание юридической ответственности заключается в каре, в обеспечении дополнительных лишений. А значит, вопрос о соотношении правовой ответственности и наказания должен быть решен в пользу их полного отождествления. Это однопорядковые понятия. Любая ответственность и есть то или иное наказание, которое является лишь юридической формой ее выражения и проявления. Юридическая ответственность, как и другие правовые явления, обладает рядом признаков. Представляется целесообразным коротко остановиться на основных из них.

Прежде всего, как только что отмечалось, юридическая ответственность является разновидностью правового принуждения. Она заключается в наказании лица за виновное противоправное действие, выступает в качестве следствия совершенного правонарушения. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что в некоторых отраслях права можно признать оправданным отождествление госу-

дарственного принуждения с юридической ответственностью. Только в связи с правонарушениями государственно-принудительные меры применяются при совершении преступлений и к виновным в нарушении трудовой дисциплины. Однако это действует не всегда. В гражданском, и особенно в административном праве, имеется много норм, которые предусматривают возможность применения принуждений вне какой-либо связи с правонарушением.

Так, в настоящее время большинством авторов принята классификация мер административного принуждения на три группы: административные взыскания, меры административного пресечения и административно-принудительные меры. Каждая из этих групп составляет самостоятельный вид административного принуждения, отличающийся от других по содержанию, целям, основанию и порядку применения. При этом только административные взыскания являются наказанием за содеянное. Другие административно-принудительные меры некоторыми авторами относятся к мерам защиты, к мерам, носящим характер процессуального обеспечения. И действительно, взять, к примеру, такую меру административного предупреждения, как административный надзор органов милиции за особо опасными рецидивистами и определенной категорией лиц, поведение которых в местах лишения свободы свидетельствовало об упорном нежелании встать на путь исправления и приобщения к честной трудовой жизни. В отношении таких лиц административный надзор устанавливается сразу после их освобождения из заключения, даже если они и не проявляли себя антиобщественно. Подобный же характер имеют такие меры государственного принуждения, как уничтожение пожарными построек в целях локализации пожаров,

принудительное лечение инфекционных больных, принудительное медицинское освидетельствование, карантин, таможенный досмотр и др. Сказанное в полной мере относится и к специфическому виду государственного принуждения – мерам административного пресечения.

Как нам думается, правомерно высказать суждение, что юридическая ответственность – это наказание, применяемое государственными и общественными органами и организациями в рамках установленного процессуального порядка за совершение правонарушения в целях обеспечения должной кары за содеянное, для охраны интересов граждан от антиобщественных посягательств.

Теперь, когда, с нашей точки зрения, выяснены содержание и назначение юридической ответственности, правового наказания, целесообразно рассмотреть вопрос о воспитательной роли этой стороны применения наказаний. Нужно сказать, что теоретические вопросы соотношения наказания и воспитания нашли известное отражение лишь в таких отраслях юридической науки, как криминология, уголовное и исправительно-трудовое право. Но и здесь понимание содержания и цели наказания уже длительное время является дискуссионным. Применительно к содержанию наказания учеными высказываются две точки зрения. Одни исчерпывают содержание наказания карой. Согласно другой точке зрения содержание наказания складывается из кары и воспитания.

По нашему мнению, сторонники обоих суждений высказали много важных соображений о понятии наказания и иных мерах воздействия на правонарушителей. И все же, как та, так и другая точка зрения нуждается в некотором уточнении. Дело в том, что большинство ученых, исследовавших соотношение наказания, кары и воспитания, склонно, как нам кажется, рассматривать нака-

зание лишь в статике, а не в динамике. И это мешало в одних случаях правильно, а в других – максимально доказательно подойти к решению проблемы. В тоже время очевидно, что когда мы с позиции общеправовой теории рассматриваем наказание и воспитание, необходимо четко себе представить, что понятие «наказание» и «процесс наказания» далеко не тождественны по своему значению. Наказание – это юридическая категория, понятие, под которым подразумевается кара за содеянное. Карательное возмездие наказания проявляется в причинении определенных ограничений и страданий правонарушителю, исходя из характера и тяжести содеянного.

Карательный характер наказания обращен как в прошлое, так и в будущее. Обращение кары в прошлое проявляется в том, что наказание назначается за совершенное нарушение правопорядка. Но кара обращена и в будущее, так как она выступает средством индивидуальной и общей превенции, имеет ярко выраженный характер правовой угрозы для лиц, склонных к правонарушениям. И именно в этом своем качестве наказание выступает как средство формирования правосознания несознательной части населения, как фактор психологического принуждения, правовой угрозы.

В то же время воспитание, как идеологическая категория, не может быть содержанием правовой категории «наказание», то это совсем не исключает их тесного взаимодействия в процессе применения советского права. В условиях социалистического общественного строя меры принуждения не могут быть единственным средством воздействия на сознание трудящихся, даже при осуществлении наказания. Поэтому наряду с карательными мерами исполнение наказания дополняется, «насыщается» идеологическими, воспитательными мероприятиями.

Процесс исполнения наказания складывается, таким образом, как бы из двух сторон. Одна из них является правовой, принудительно-карательной, а вторая – идеологической, в которой, при наличии элементов психологического принуждения, основное место занимают воспитательные меры убеждения. А значит, каждое из этих направлений воздействия на сознание объекта правоприменения преследует свою цель. По нашему мнению, за процессом наказания следует признать две цели. Первая из них носит правовой, принудительный характер и заключается в том, чтобы воздать ему должное за содеянное, чтобы он почувствовал наказание. Вторая состоит в том, чтобы обеспечить формирование правосознания правонарушителей и других граждан посредством преимущественно воспитательного воздействия. При этом воспитание в процессе наказания должно состоять, прежде всего, в устранении дефектов индивидуального правосознания нарушителей с тем, чтобы добиться их воспитанности.

Важную роль в надлежащем формировании сознания правонарушителей играет оперативное применение правовых мер в отношении тех, кто этого заслуживает, как можно менее значительный разрыв во времени между обнаружением правонарушения и наказанием. Практика показывает, что запоздалое, затянувшееся реагирование правоохранительных органов на преступление или проступок, потерявшие в глазах того или иного лица актуальность, часто усложняет контакт с правонарушителем, затрудняет доведение до его сознания антиобщественной сущности противоправного поведения, разъяснение правильности действий должностных лиц. Исходя из этого, заслуживает дальнейшего распространения сокра-

щение времени производства по делам о некоторых административных и уголовных правонарушениях.

Следует отметить, что в настоящее время имеются определенные трудности, отрицательно сказывающиеся на воспитательном воздействии процесса назначения наказания. Одна из них заключается в чрезмерной загруженности должностных лиц, на которых законом возложено определение степени виновности и избрание вида ответственности. Отсутствие необходимого времени часто исключает должное воспитательное воздействие правоприменительной процедуры, вынуждает форсировать, сворачивать процесс. Проведенные нами исследования показали, что руководители гор(рай)управлений внутренних дел зачастую помимо остальной работы рассматривают в день 20-50 административных материалов. И где уж тут до личной беседы со всеми нарушителями. Успеть бы только в срок назначить штраф!

С большими нагрузками работают административные комиссии в крупных городах, рассматривая порой на своих заседаниях до 50-70 административных дел. Да и суды чрезвычайно загружены работой и различными поручениями, что часто вынуждает их рассматривать административные дела без должной подготовки, в перерывах во время слушанья уголовных дел.

Необходимым условием успешного решения воспитательных задач в процессе применения права является высокий уровень правосознания и культуры юридических работников, их вооруженность способами и приемами идеологического воздействия на сознание трудящихся во время их правовой деятельности, умелое повышение авторитета государственной власти и законодательства во время осуществления своих служебных функций. Поэтому, когда речь идет о правосознании и

юридической культуре судей, работников органов внутренних дел, прокуратуры и иных должностных лиц, на которых государством возложена задача обеспечения правопорядка, то следует воспитывать у них правосознание более высокого порядка. Но этого мало. Коль скоро в процессе применения наказания осуществляется воздействие на сознание людей двоякого рода – правовое и идеологическое, то и процесс обучения и переподготовки юристов должен это предусматривать. В частности, назрела необходимость разработки и преподавания юристам предмета теории правового воспитания или правовой педагогики. Кроме того, должно неукоснительно соблюдаться требование о том, чтобы на должностях, где надлежит иметь дело с правоохраной, работали лица, имеющие соответствующее юридическое образование.

М.М. Галимов

кандидат юридических наук, профессор ИСГЗ,
зав. кафедрой Гражданского права ИСГЗ

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РОЛЬ СТАДИИ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНА

Как бы четко не была отлажена система идеологического воздействия процесса правотворчества, основное воспитательное влияние закон оказывает все же в процессе применения. Дело в том, что правотворческая деятельность затрагивает далеко не всех граждан. Кроме того, воспитательное воздействие законодательства в це-

лом, не зависимо от его связи с конкретным положением данного лица или организации, носит в основном общий характер. Другое дело – процесс применения права. С этой стороны деятельности государственных и общественных органов постоянно сталкиваются все граждане. Причем это столкновение носит не общий, а индивидуальный, конкретный, наиболее ощутимый характер. Именно здесь проявляется возможность оказывать на людей индивидуальное воспитательное влияние, что существенно дополняет воспитательное значение правотворчества и законодательства, если не определяет эффективность воспитательной роли в целом. Приведенное выше понимание воспитательной функции закона позволяет показать основные черты воспитательного воздействия права в процессе применения закона, а так же разграничить правовое регулирование и воспитание в процессе применения правовых норм.

Однако может возникнуть вопрос, почему нами рассматривается именно процесс применения права, а не все формы его реализации в целом? Ведь правовые нормы достигают своей цели при любой форме их реализации: путем соблюдения, заключения и исполнения сделок и договоров, использование прав гражданами и т.п. Весь процесс реализации права показывает во всем его объеме, в какой мере правотворчество, юридические нормы и институты фактически соответствуют социально-экономической жизни, насколько они эффективны и реалистично помогают решать стоящие перед обществом задачи. И это, несомненно, правильно, когда речь идет о праве как элементе юридической надстройки, как регуляторе общественных отношений. Несколько иной подход должен быть при оценке идеологического, воспитательного воздействия права на сознание людей. Различая ос-

новные формы реализации права (соблюдение норм права, их использование и исполнение, а так же применение юридические норм) следует отметить и различия в их воздействии на правосознание людей.

Соблюдение и исполнение норм права субъектами общественных отношений осуществляется без специальных властных предписаний, без угрозы принуждения к конкретному лицу со стороны определенных органов и должностных лиц. При этих формах реализации права люди по тем или иным мотивам добровольно осуществляют правовые требования посредством правового поведения или воздержания от совершения противоправных действий. И в этом смысле мы можем говорить о том, что какого-либо специального идеологического воздействия на конкретных граждан со стороны государства, общественности не оказывается.

Однако было бы неверно думать, что такое поведение не оказывает никакого воздействия на правосознание. Как раз наоборот. Именно личный правовой опыт в процессе соблюдения и исполнения права оказывает огромное влияние на формирование правосознания человека. Во-первых, в процессе систематического правомерного поведения у него вырабатывается устойчивая привычка к соблюдению и исполнению закона. Во-вторых, соблюдая и исполняя нормы права, используя свои личные права, каждый гражданин практически убеждается в целесообразности, в необходимости правомерного поведения, в правильности правовых требований. В-третьих, правильное отношение к правовым требованиям со стороны большинства людей является примером для подражания: оно объективно влияет на тех, кто сомневается в надобности строго соблюдения и исполнения норм права. То есть соблюдение и исполнение, как специфическая

форма реализации, воздействует на правосознание только как одно из объективных условий его формирования, ибо их цель не заключается в воспитании.

Применение права в этом смысле более сложное юридическое явление. С одной стороны, как форма реализации правовых актов оно воздействует на формирование правового сознания трудящихся в качестве объективного условия. Вместе с тем в процессе применения норм права оказывается и специальное воспитательное воздействие. Попробуем рассмотреть, как это происходит, какие стороны применения права оказывают целенаправленное воспитательное воздействие, а какие – формируют правосознание трудящихся в качестве объективного условия.

С точки зрения специфики правового регулирования применение норм права заключается в наделении конкретных лиц или организаций субъективными правами и возложение на них соответствующих юридических обязанностей.

По своему характеру применение норм права состоит в вынесении индивидуально-конкретных правовых предписаний, обращенных к персонально определенным лицам. Задача применения права заключается в том, чтобы любым дозволенным способом обеспечить реальное воплощение общих правовых предписаний в фактическом поведении людей посредством индивидуального регулирования на уровне правоотношений. Эта юридическая сторона правоприменения является важным объективным фактором формирования правосознания масс.

От того, насколько своевременно и правильно применяются нормы права должностными лицами, насколько активно государственные и общественные органы стоят на страже законных интересов граждан, в первую

очередь зависит отношение людей к закону и государственным органам.

Таким образом, с точки зрения его юридических целей, применение права специально не направлено на воспитание граждан. Его цель заключается не во внесении правовой или иной идеологии в сознание трудящихся, а в том, чтобы реализовать правовые установления, добиться правомерного поведения. При этом оно объективно влияет на формирование сознания граждан и должностных лиц. Однако правоприменение не только объективно формирует правосознание, но и оказывает целенаправленное воспитательное воздействие. И в выводе о соединении этих двух сторон нет противоречивого суждения. Суть дела в том, что применение права происходит не мгновенно, а в течение более или менее длительного периода времени. И это дает возможность законодателю и правоприменительным органам «насыщать», дополнять процесс применения права мероприятиями, специально направленными на повышение уровня знаний граждан о праве, на их убеждение в необходимости правового регулирования, в социальной значимости правомерного поведения т.д.

Известно, что практическая деятельность органов по применению права складывается из ряда стадий, на протяжении которых осуществляется как правовое регулирование, так и воспитательное воздействие. О количестве и характере стадий правоприменения в юридической литературе высказываются различные суждения. Мы склонны разделить мнение тех авторов, которые выделяют три основные стадии правоприменительного процесса: а) установление и исследование фактических обстоятельств дела; б) выбор и анализ норм права; в) принятие решения по делу и его документальное оформление.

ние. Эту «триаду» целесообразно так же дополнить четвертой основной стадией. В этом свете мы полагаем, что процесс применения права не ограничивается изданием правоприменительного акта, а выделяем в качества стадии фактическое исполнение акта применения. В самом деле, раз применение права – форма его реализации, то оно не может ограничиваться принятием решений на бумаге. Оно должно находить свое завершение в фактическом исполнении юридического решения. Любое дело можно считать решенным только тогда, когда акт, закрепляющий решение по делу, будет реализован. Вряд ли можно считать норму права примененной, если оштрафованное лицо не уплатило штраф, или преступник, осужденный к лишению свободы, скрылся и уклоняется от отбывания наказания.

На стадии применения права, при выборе и анализе норм права, важную идеологическую роль в ряде случаев играет толкование правовых норм, которое имеет две стороны. Во-первых, само лицо, применяющее закон, должно правильно уяснить себе его смысл и значение. А во-вторых, необходимо разъяснить содержание закона гражданам и представителям организаций участвующих в деле. На практике к этой форме правового воспитания участников процесса приходится прибегать довольно часто, а поэтому субъекты правоприменения всегда должны быть готовы к правильному и доступному для любого гражданина толкованию той или иной нормы права.

Чрезвычайно насыщена специальными воспитательными мерами стадия фактического исполнения акта применения права. Наряду с названными формами идеологического воздействия здесь могут использоваться информация, частные определения и представления руко-

водителям предприятий и учреждений; обсуждение правонарушителей на собраниях коллективов трудящихся и в товарищеских судах, если это было решено правоприменительным органом по дисциплинарному, административному или уголовному делу; направление на предприятие специального извещения о характере правонарушения, допущенного работником, и наказание за содеянное; система форм правового воспитания, специфичных для исправительно-трудовых учреждений и т. д.

Следует отметить, что выделение стадий процесса применения права, как это неоднократно подчеркивалось в юридической литературе, носит, прежде всего, логический, теоретический характер. В практической деятельности правоприменительных органов соответствующие стадии настолько тесно переплетаются, взаимно обуславливая друг друга, что четко разграничить их по времени осуществления часто невозможно. Поэтому при освещении характера воспитательного воздействия процесса применения права целесообразно наряду с идеологической ролью отдельных стадий анализировать эффективность воспитательного воздействия данного вида применения права в целом.

Рассматривая правовоспитательное значение процесса применения права, нужно учитывать некоторые его особенности.

В частности, как уже отмечалось, процесс применения права связан с вынесением индивидуально-конкретных правовых предписаний, и это требует индивидуализации воспитательного воздействия. При воспитательном воздействии, осуществляемом в процессе правоприменительной деятельности, не может быть шаблона. Меры воспитания должны осуществляться с учетом разнообразия оценки и разрешения многочисленных

фактов общественной жизни. А это означает, что работники, применяющие право, должны не только хорошо разбираться в законодательстве, но и уметь воспитывать граждан, должны быть вооружены методикой индивидуального правового воспитания, характерной для соответствующей формы правоприменительной деятельности.

Сложные задачи в этом смысле приходится решать суду при рассмотрении дел о правонарушениях. С одной стороны, процесс должен быть проведен так, чтобы он оказал воспитательное воздействие на правонарушителя. Но ведь кроме этого имеется судебная аудитория, которая чаще всего неоднородна по возрасту, культурному и образовательному уровню, по отношению к судебному процессу. Она может по-разному воспринимать и оценивать происходящее на суде. И стороны процесса, равно как и сам суд, призваны воздействовать на всех присутствующих.

Важной отличительной чертой правового воспитания в процессе применения права является то, что при этом используются такие воспитательные формы, большинство из которых в других условиях не применяются. К ним могут быть отнесены: воспитательное значение оглашения приговора, телевизионные информации о совершенных преступлениях или розыске преступников, уведомление граждан об отказе в возбуждении уголовного дела, речь государственного обвинителя или защитника по конкретному делу, обсуждение нарушителя правопорядка в трудовом коллективе и многое другое.

Итак, по нашему мнению, можно сказать, что воспитательное воздействие, осуществляемое в процессе применения норм советского права, имеет определенную специфику. Она позволяет сделать вывод о том, что воспитание правосознания в процессе правоприменительной

деятельности является относительно самостоятельной составной частью системы средств правового воспитания трудящихся. И применение права происходит в двух главных формах: а) разрешения правомерных требований органов государства, граждан или организаций с целью возникновения новых прав личности и обязанностей; б) защиты интересов общества, личности, организаций трудящихся от противоправных посягательств.

В.С. Чершинцев

соискатель ВНИИ МВД России

КОРРУПЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Несмотря на продолжающиеся экономические, социальные и политические реформы, система государственного управления сегодня все больше напоминает время застоя, что способствует расширению коррупционных связей между организованными преступными группами и чиновниками не только муниципального, но федерального уровня.

Отметим, что эффективность проводимых у нас в стране преобразований, происходящих практически во всех сферах жизни общества и государства, во многом зависит от того, как будет строиться деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, муниципальных образований.

Анализируя историю развития коррупции, мы пришли к выводу, что в любые времена государство, незави-

симо от формы правления и устройства, предъявляло, предъявляет и будет предъявлять к должностным лицам особые требования к исполнению своих служебных обязанностей. Наделяя определённые категории лиц специальными полномочиями, необходимыми для осуществления власти, государство правомочно установить и особые требования к ответственности этих лиц.

Коррупция и взяточничество существуют уже давно и возникли вместе с появлением государственности. В настоящее время коррупция является проблемой, которая существенно нарушает безопасность общества и личности, принципы демократии и государственного управления, равенства и социальной справедливости. Специфика российской коррупции в том, что она фактически институционализировалась в органах власти делая ее слабой и не эффективной.

Таким образом, подрывая доверие к власти, ее авторитету, коррупция, в конечном счете, препятствует реализации общественных интересов, свободе личности, причиняет ущерб социальной, экономической, правовой политике и т.д. То есть коррупция становится явлением, во многом определяющим политическое, экономическое и культурное развитие российского общества.

Термины «коррупция», «коррумпированный», «коррумпированность» не сходят сегодня со страниц средств массовой информации и научной литературы. Слово «коррупция», как правило, употребляется, когда речь идет о продажности должностных лиц и политических деятелей.

В словаре иностранных слов отмечается, что происхождение данного слова происходит от латинского *corrūptio* и далее смысл его обозначается как подкуп – подкупность и продажность общественных и политических деятелей.

лей, а также государственных чиновников и должностных лиц.

За последнее десятилетие в России формировалось понятие правовой природы коррупции. Появилось достаточно много работ ученых (Г.Н. Борзенкова, С.В. Ванюшкина, Б.В. Волженкина, В.М. Гальперина, А.И. Гурова, А.И. Долговой, Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева, С.В. Максимова, Г.К. Мишина, А.С. Никифорова и др.), в которых это понятие было предметом самого пристального рассмотрения. Сложились различные подходы к пониманию коррупции, одни из которых характеризуют ее как уголовное преступление, другие – как криминологическое явление.

Так, А.И. Гуров рассматривает коррупцию через понятие «взяточничество». Б.В. Волженкин под коррупцией понимает явление, поразившее государственный и общественный аппараты управления, выражающееся в разложении власти, умышленном незаконном использовании должностным лицом своего служебного положения в корыстных целях для личного обогащения.

Н.Ф. Кузнецова рассматривает коррупцию как социальное негативное явление, выражающееся в подкупе одних лиц другими и проявляющееся через неконкретные уголовно-правовые нормы: взяточничество в органах власти и государственного управления и коммерческий подкуп в негосударственных структурах.

По мнению В.В. Астанина, коррупция – «социально-правовое явление такого разложения отношений в разных сферах управления, которое выражается в подкупе-продажности лиц, использующих служебное положение и связанные с ним возможности». Ю.М. Антонян считает, что «коррупцию в самом широком смысле можно определить как совершение неких действий лицом, обладающим в силу своего служебного положения необ-

ходимыми возможностями, в пользу того, кто незаконно оплатил такое действие. При этом сами действия могут быть вполне законными».

Ссылаясь на «традиционное значение» слова «коррупция», Н.А. Лопашенко настаивает на том, что коррупция – подкуп и ничто иное¹.

Н.А. Егорова и В.В. Ганночка отождествляют понятие коррупции и злоупотребление должностными полномочиями² (ст.285 УК РФ), подчеркивая, что эта норма играет двойную роль – определяет общее понятие должностного преступления и служит резервом в тех случаях, когда отсутствует специальная норма, предусматривающая ответственность за должностное преступление.³

Другие ученые определяют коррупцию несколько иначе. Так, по мнению проф. Г.Н. Борзенкова, коррупция – это «разложение управленческого аппарата, основанное на использовании чиновниками своего служебного положения в корыстных целях». Проф. В.С. Комиссаров считает, что коррупция – это «использование субъектом управления своих властных полномочий вопреки интересам службы из личной заинтересованности. С.В. Максимов считает, что коррупция – это «использование государственными или иными публичными служащими (в том, числе депутатами и судьями), либо служащими коммерческих или иных организаций (в том числе, междуна-

¹ См: Лопашенко Н.А. Противодействие российской коррупции: обоснованность и достаточность уголовно-правовых мер // [Электронный ресурс: [http://sartraccs.sgap.ru./Pub/lopashenko\(18-03\).htm](http://sartraccs.sgap.ru./Pub/lopashenko(18-03).htm)]

² См: Ганночка В.В. Борьба с организованной преступностью и коррупцией: уголовно-правовой и криминологический аспекты: Дис...канд.юрид.наук. – Ставрополь, 2002. – С.160-161

³ См: Егорова Н.А. Уголовно-правовые формы борьбы с коррупцией в новых экономических условиях: Автореф...канд.юрид.наук. – Саратов, 1996. – С.12-13

родных) своего статуса для незаконного получения имущества, прав на него, услуг или льгот (в том числе неимущественного характера), либо предоставление названным лицам такого имущества, прав на него, услуг или льгот (в том числе, неимущественного характера)». Проф. В.В. Лунеев подчеркивает, что коррупция – явление, более широкое, чем взяточничество: «Мы знаем, что коррупция не сводима к взяточничеству. Она охватывает любые злоупотребления должностных лиц, совершенные с корыстной целью».

Достаточно емкое определение понятия коррупции дают А.И. Долгова и С.В. Ванюшкин. Так, по их мнению, коррупция – это социальное явление, характеризующееся подкупом-продажностью государственных и иных служащих и на этой основе корыстным использованием ими в личных либо узкогрупповых, корпоративных интересах официальных служебных полномочий и связанных с ними авторитета и возможностей. Однако наряду с «подкупом-продажностью» могут иметь место и протекционизм, и покровительство. Далее авторы указывают на наличие «коррупционной связи» в данном социальном явлении, рассматривая ее как двухстороннюю сделку.¹

Таким образом, определяя коррупцию, российские криминологи трактуют ее как взяточничество, подкуп; другая группа ученых под коррупцией понимает служебные злоупотребления, совершенные из корыстной или личной заинтересованности. Полагаем, что более широкая трактовка определения коррупции является более правильной, так как это не что иное, как развал государственной системы. При формировании такого определения нельзя не учитывать и требования международных документов.

¹ См.: Криминология: Учебник / Под общ. ред. А.И. Долговой. – М., 1999. – С.501

Определение, которое используется в Справочном документе ООН о международной борьбе с коррупцией, гласит: «Коррупция – это злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях». Из него видно, что коррупция выходит за пределы взяточничества.

Американский юридический словарь Генри Блэка так же понимает под коррупцией «деяние, совершаемое с намерением предоставить некоторое преимущество, несовместимое с официальными обязанностями должностного лица и правами других лиц», а также «деяние должностного лица, которое незаконно и неправомерно использует свое положение или статус для извлечения какого-либо преимущества для себя или другого лица в целях, противоположных обязанностям и правам других лиц».

Дж. Най полагает, что коррупция включает в себя взяточничество (дачу вознаграждения для совращения лица с позиций долга), nepotизм (покровительство на основе личных связей) и незаконное присвоение публичных средств для частного использования.¹

Это подтверждается и определением междисциплинарной группы по коррупции Совета Европы: коррупция представляет собой взяточничество и любое другое поведение лиц, которым поручено выполнение определенных обязанностей в государственном или частном секторе и которое ведет к нарушению обязанностей, возложенных на них по статусу государственного лица, частного сотрудника, независимого агента или иного рода отношений, и имеет целью получение любых незаконных выгод для себя и других.

В заключении отметим, что, несмотря на многообразие подходов к определению коррупции, все исследователи убеждены в одном: коррупция предполагает ис-

¹ См.: Political corruption: A hand book / Ed. by Heidenheimer A.J. et. al. – Oxford. - P.22

пользование власти и связанных с ней возможностей не в интересах всего общества, а в интересах отдельных лиц (прежде всего коррумпированных) или в интересах определенной группы лиц, что деформирует социальные связи, в результате чего происходит деградация государственной власти.

Как справедливо отметил Ю.В. Голик: «Коррупция, ни при каких условиях не может быть нормой. Это всегда патология. Вопрос только в формах и объемах существования этих патологических отклонений. Если патология претендует на норму, то коррупция просто убивает весь социальный организм, как раковая опухоль убивает биологический организм».¹

В.Н. Печников
профессор ИСГЗ

**ПРОФЕССОР КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ ЗАХАРОВ:
УЧЕНЫЙ, ВОИН, ЧЕЛОВЕК**

Моя первая встреча с Николаем Степановичем состоялась в конце 60-х. В то время моя служебная карьера ограничивалась областью хозяйственной юридической практики: я занимал должность юрисконсульта в Казанском ЦУМе. Но неодолимо тянуло к научной жизни, об

¹ Голик Ю.В. Коррупция в России: норма жизни или патология? // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы / Под ред. В.В. Лунеева. – М., 2001. – С.55

этом мечтал еще со студенческой скамьи. Особенно привлекала история отечественной государственности. Единственный научный центр в Казани – это, конечно, мой родной Университет, который я окончил в 1960 году.

Кто бы из преподавателей КГУ мог согласиться стать моим научным наставником? Об этом я стал интересоваться в кругу друзей. «Вышел» на одного из тех, с кем меня связывали давние отношения – Николая Пономарева, работавшего в то время референтом ректора Михаила Тихоновича Нужина. (Как известно, Николай Васильевич – основатель и ректор Института социальных и гуманитарных знаний). Помнится, он сказал мне тогда: «Давай, я познакомлю тебя с доцентом Захаровым. Он прекрасный специалист и замечательный человек, лучшего руководителя, чем Николай Степанович, тебе и не найти».

Первое знакомство с моим будущим наставником и другом состоялось в коридоре Главного здания университета, около Приемной ректора. Передо мной предстал плечистый, среднего роста человек. Его осанистая, спортивная фигура выдавала в нем военную выправку (позже я узнал, что Николай Степанович был боевым офицером, прошедшим горнило Великой Отечественной). В его рукопожатии ощущалась мощная физическая сила. Помню, меня поразило выражение умного, волевого и мужественного лица моего нового знакомого: его освещала улыбка, жизнерадостная и очень доброжелательная. Именно таким, улыбающимся и открытым, моя память хранит образ Николая Степановича и по сей день.

Потом мы встретились с Николаем Степановичем на его кафедре в Университете. И уже обстоятельно, во всех деталях, обговорили с ним план моих действий: сдача кандидатского минимума, определение темы диссер-

тации. Я еще больше проникся уважением к моему собеседнику. Все его аргументы и рассуждения выглядели убедительными и логичными, когда же речь зашла о моих планах, то их выполнение увязывалось с конкретными сроками, что не оставляло мне никакого пути к отступлению. Так я ощутил крепкую, «захаровскую», хватку.

Вскоре пришлось побывать на учебных занятиях, которые вел Николай Степанович. То, что я увидел, было настоящим мастерством! Как только он входил, в аудитории воцарялась полная тишина. Даже самые неумные студенты внимали лектору, определенно обладавшему харизматическим и артистическим дарами. Да, Николай Степанович умел «держаться» аудиторию! Он говорил свободно, прекрасно поставленным голосом, умело вплетал яркие исторические факты, в нужный момент звучали и шутки. Его речь была образной, изысканной и, вместе с тем, очень доступной. По общей реакции студентов было видно: этого преподавателя все любят, уважают и чтят. Убежден, что педагогический дар Н.С. помог многим его питомцам не только постичь сложные постулаты историко-правовой науки, но и пронести через всю жизнь и сделать своими собственными многие личные принципы их наставника.

Под руководством Н.С. я начал писать кандидатскую диссертацию. Основная работа в ЦУМе отнимала уйму времени, научными исследованиями я мог заниматься только урывками. В результате процесс написания кандидатской растянулся почти на восемь лет. За это время Н.С. в полной мере раскрылся передо мной и как ученый, и как человек. Широта его научных познаний, его методологии, неординарность мышления, новаторское видение сложных проблем, прекрасное владение стилистикой меня поражали. Уже тогда мне подумалось

(этого мнения не меняю и сейчас), что свой мощный научный потенциал Н.С. реализовал, наверное, не более чем на 1/3. Утверждая это, я имею в виду и успешную защиту им докторской диссертации по актуальной в то время проблеме становления Советов. Но заложенные в Н.С. природные данные могли быть раскрыты в гораздо больших масштабах; не буду здесь вдаваться в объяснение причин, думается, однако, одной из главных составляющих этого досадного факта является его перегруженность общественно-партийной работой (и в этой сфере Н.С., верный своему чувству долга, все делал по большому счету, уходя в дело «с головой»).

Два лета подряд, находясь в отпуске, я посвятил работе над архивными документами в государственных исторических архивах Ленинграда и Москвы, в рамках подготовки своей диссертации. Очень долго изучал материалы фондов Научной библиотеки КГУ. В результате был собран огромный и интереснейший фактический материал, нуждавшийся в соответствующей систематизации и обработке. И снова пригодился огромный методологический опыт Н.С.: он определил основные схемы и направления работы. И вот все фрагменты исследования наконец-то заняли свои ниши, обрели законченные очертания.

На завершающей стадии подготовки моей диссертации Н.С. стал ко мне особенно требовательным. Так, вводный раздел и автореферат диссертации я приносил своему научному руководителю, наверное, раз пять-шесть в течение месяца. Некоторым другим фрагментам были уготованы не менее суровые испытания. Я пытался роптать, но Н.С. всегда находил веские аргументы в защиту своей позиции. «Ты пойми, – говорил он, – если твои огрехи видит научный руководитель, то как отне-

сется к ним тот, кто будет читать диссертацию «с пристрастием», оппонент, например». Все же свои основные позиции мне удалось отстоять, иные же стали итогом компромисса. Результаты этой титанической для меня работы под руководством Н.С. стали для меня очевидными уже на стадии предварительной защиты диссертации, а потом и на самой защите. Тогда из уст известных в стране ученых – В.М. Курицына и М.И. Сизикова (моих научных оппонентов), И.Р. Тагирова, Ю.С. Решетова, И.А. Емельяновой и других прозвучала положительная оценка моего труда. Достижение такого позитивного результата – это, бесспорно, огромная заслуга Николая Степановича, вложившего столько сил и энергии на всех этапах моей работы над исследованием, и особенно на заключительной стадии. Помню, как нервничал Н.С. в день защиты диссертации (27 июня 1984 г.). Я никогда не видел его таким взволнованным. Будто это не я, а он должен стоять за кафедрой перед Ученым ареопагом. В этом был весь Н.С. Захаров, и такое сердечное отношение ко мне невозможно не оценить, а тем более забыть!

Вскоре Н.С. блестяще, насколько мне известно, защитил в Москве докторскую диссертацию, стал доктором юридическим наук, профессором. К сожалению, мое с ним дальнейшее творческое сотрудничество было весьма ограниченным. Совместно с Н.С. было издано несколько небольших учебно-методических пособий, написана рецензия в журнале «Государство и право» на учебник по Истории государства и права России под редакцией Ю.П. Титова, статья в Ученых записках КГУ. Кроме того, по предложению Н.С. я подготовил рецензию на Сборник документов по истории советского уголовного законодательства (1992 г.), созданный им в соавторстве с профессором В.П. Малковым. Следует честно признать-

ся, что почти во всех указанных случаях инициатива, увы, исходила не от меня, постоянно поглощенного «те-кучкой», а от Н.С., который в благородстве своих намерений, я уверен, исходил из того, чтобы не оставлять своего питомца на обочине науки.

Николай Степанович стал для меня не только научным наставником, но и настоящим, старшим, другом. Часто бывая у него дома, я открывал для себя все новые и новые грани его личности. Поражала его железная, «захаровская», воля. Чтобы ни случилось накануне, при всей своей перегруженности работой, как учебной, так и научной и общественной, Н.С. умудрялся постоянно держать хорошую спортивную форму, никогда не позволяя себе расслабляться. Неизменно он поднимался ранним утром, не позже полшестого, работал с гантелями. Потом длительная, на несколько кварталов, пробежка, гимнастические упражнения, ледяные водные процедуры. Эту практику Н.С. прекратил лишь незадолго до своего ухода из жизни, когда некоторые проявления серьезной болезни отчетливо начали давать о себе знать. Результатами такого образа жизни Н.С. были его спортивная, подтянутая фигура, загорелое, пышущее здоровьем лицо, казалось не знавшее усталости.

Любимая работа на кафедре составляла главный смысл жизни Н.С., ей он отдавался полностью, без остатка, как, наверное, в огне Отечественной был верен своему воинскому долгу. Уже будучи тяжело больным, незадолго до своей кончины, он все рвался в Университет, переживал, что не может пойти на лекцию и что из-за него могут быть сорваны занятия со студентами.

Николаю Степановичу крепко повезло с семьей. У него дома всегда царила атмосфера любви, доброжелательства и взаимной поддержки. «Тыл» надежно обеспе-

чивала супруга, Наталья Степановна. Находясь на ответственной работе заместителя главного врача крупного медицинского учреждения, загруженная по горло производственными проблемами, она творила атмосферу домашнего уюта и комфорта, держала детей в строгости и справедливости. Н.С. обожал свою жену, она была для него королевой, а он, как истинный рыцарь, нес на алтарь любви свои чувства. Мне пришлось быть свидетелем того, как Н.С. готовил подарки ко дню рождения супруги и дочери Светланы, ко дню 8 марта и другим праздникам.

Это делалось всегда задолго до наступления соответствующего события. В 70-е и 80-е годы, когда еще «правил» дефицит, нужно было совершать огромные усилия, чтобы добыть нужную вещь. Работая в ЦУМе, я имел возможность помочь Н.С. в приобретении даров для его любимых домочадцев.

Несмотря на огромную занятость Н.С. по работе, на нем лежала обязанность походов на базар за продуктами и в подвал за картошкой, обработка земли на садовом участке. Все это он делал как-то благожелательно и с присущим ему чувством ответственности.

В воспитание сына Володи и дочери Светланы Н.С., также как и его супруга, вкладывал свою душу, отдавая им все с трудом выкраиваемое свободное время. Опытный педагог, профессионал и бывший боевой офицер, он знал цену возможных ошибок на суровом фронте бытия. Всей своей жизнью, повседневным поведением Н.С. подавал детям примеры благородства, рыцарства, самопожертвования, искусства разумного компромисса в отношениях с окружающими.

Доброе семя дает хорошие всходы. Прошли годы и десятилетия, и теперь мы видим, что семья Захаровых вырастила прекрасных наследников. Когда так внезапно

ушел из жизни совсем еще молодой Володя, это стало шоком не только для его близких. К тому времени Владимир Николаевич Захаров занимал немаловажный пост в Главном управлении кадров МВД России в Москве. Не только слова выступавших на траурной панихиде руководителей Володи, сослуживцев и подчиненных, но и само поведение этих людей, искренних в своем горе, показали нам, как его все любили как человека и высоко чтили как специалиста.

По стопам Н.С. пошла и его любимая дочь. Светлана Николаевна после окончания юридического факультета КГУ довольно долго и успешно работала в Прокуратуре Вахитовского района Казани, а недавно заняла высокую должность члена Верховного Суда РТ. Маленькая Света, с которой, казалось, давно ли мы вместе с Н.С. ездили на дачу, сама стала мамой и растит сына Гошу, будущего чемпиона России по хоккею.

В затылок Светлане дышит внук Н.С., Коля Захаров, прекрасный парень, без пяти минут выпускник юридического факультета КГУ. Он сильно напоминает мне отца, но я и в Коле вижу многие черты Николая Степановича: такая же страсть к рыбалке, тяга к даче, к природе, да еще вдобавок к автомобилям и технике.

Возвращаясь к Н.С., вспоминаю, что его привязанности не ограничивались членами семьи. Когда Светлана еще училась, в семье появился щенок, небольшой, размером с таксу, но с коротким туловищем. Пес получил громкий титул «Бонифаций», а попросту Бонька, он стал общим любимцем. Н.С. брал его с собой на прогулки, на пробежки, на дачу, возил в ветлечебницу, когда пес прихварывал. Когда Боньки однажды не стало, Н.С. со слезами на глазах переживал это событие.

Мне жаль тех, кто не видел Н.С. в веселой компании. Во время застолья грани его разносторонней личности начинали светиться новыми красками. У Н.С. был хороший музыкальный слух, красивый баритональный голос, он прекрасно и тонко ощущал музыку. В отношении жанров он был универсалом: любил и оперу, и оперетту, и простые песни, но особенно прочувственно он любил слушать, и сам пел, песни военных лет.

Надо сказать, что дома у Н.С. подбиралась весьма разношерстная компания. За одним столом сидели и стар, и млад, и профессор, и шофер, и главный инженер крупного оборонного предприятия, и плотник, и прокурор. К каждому у хозяина находилось особое слово, и все чувствовали себя раскованно, весело и комфортно. Наталья Степановна «выдавала» роскошный стол, уставленный разнообразными яствами и напитками, – и пир начинался.

Когда гости достаточно разогревались, начиналась музыкальная часть. Сопровождение отнюдь не возлагалось на музыкальный центр: играл «живой» аккордеонист или пианист (последняя роль иногда выпадала и автору этих строк). Заводилой, душой компании был, конечно, сам Н.С. Все дружно подхватывали предложенный им мотив, и вот уже все гости становятся большим, дружным хором. Одной из любимых опереточных мелодий Н.С. был дуэт из «Подвязки Борджиа» («Родились Вы в стране иной...»), а из советских песен – «Летят перелетные птицы» и «Темная ночь». Танцор он был отменный, дамы, наверное, млели от восторга, когда Н.С., как истый кавалер, легко вел их в фокстроте, танго или вальсе. Не было видно ни одной скучающей физиономии, никто не жаждал покинуть веселую компанию.

Мне вспоминаются и наши совместные поездки на лоно природы с семьями, особенно весной, когда все живое пробуждалось. Ездили к Захаровым, сначала на Кордон, а затем на новую дачу на 774 км., и к нам, в Боровое Матюшино. Особенно запомнилась поездка к нам на дачу 9 мая 1975 г. вместе с семьей заместителя Прокурора Вахитовского района И.О. Сапожникова, одним из друзей Н.С. В саду буйно цвели яблони, вишни, сливы, благоухала сирень, мы хорошо отметили Великий Праздник Победы. Н.С. был в этот день в особенно приподнятом настроении, вспоминал своих боевых товарищей, рассказывал фронтовые истории. «Вот один из настоящих героев», – подумалось мне. Потом погуляли по лесу, поднялись по крутому косогору, поросшему вековыми соснами. Женщины собирали подснежники, в тот год их было море. Любовались видом на Волгу, который открывался с верхнего яруса. На природе выражение лица Н.С. становилось каким-то особенным, спокойным, он, мне кажется, прекрасно ощущал ее умиротворяющее воздействие.

К сожалению, я не смог помочь Н.С. в хлопотах, связанных со строительством его дачного дома и при земляных работах на участке. Он же проделал титаническую работу, один перебросал чуть ли не пять КАМАЗов с землей и песком. Думается, не переоценил ли он свою силу, что впоследствии привело к заболеванию остеохондрозом?

На новом месте было полное раздолье для рыбалки. Н.С. иногда часами не слезал со своего катера. «Прогрессу», оснащенный мотором «Вихрь», приходилось довольно туго. Особенно хорошо было на тихой утренней зорьке, когда шел самый жор! Я думаю, в такие моменты Н.С. просто становился нераздельным с матушкой-природой, а она щедро предоставляла ему свои дары.

Другой большой страстью Н.С. был спорт, особенно футбол и хоккей. У него был постоянный пропуск на стадионы, где он поименно знал всех именитых спортсменов, а они хорошо знали Н.С. и ценили его профессиональные познания.

Он искренне переживал за наши команды, и в самые острые ситуации на поле показывал образцы юношеского азарта. Статьи Н.С. с критическим разбором спортивных матчей, написанные пером профессионала, появлялись в «Советской Татарии» и других республиканских изданиях.

Спортивную эстафету Николая Степановича Захарова подхватил внук, Гоша. Жизнь не кончилась, жизнь продолжается!

М.В. Байтеева

кандидат юридических наук, доцент МГИУ

ФАКТОРЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В ОБЩЕСТВЕ

Возможность делать, что хочешь, ограничена в обществе дважды: реальностью, которая устанавливает, что можно делать фактически, и нормами, которые определяют, что делать разрешено.

Еще с античности естественной свободе, которая не имела никаких иных границ, кроме силы индивида, противопоставлялась гражданская свобода, ограниченная общей волей. Поэтому, к первой в римском праве относили

владение, олицетворявшее проявление силы (например, захват вещи), а ко второй – собственность, которая базировалась на гарантированном частном праве. В начале XVIII века Ш. Монтескье писал: «Свобода – это право делать все, что законы позволяют. Если бы гражданин мог делать, что законы запрещают, то он не имел бы больше другого».¹ Позже Г. Фихте определил задачи права так: «Объединив волю всех членов общества в общее понятие «воля», индивид делит совокупность возможной свободы равными долями, он идет на это, потому что все свободны друг от друга и свобода каждого ограничена свободой всех других».²

Именно эту границу, где разграничивается воля всех, проводит право. И. Кант определил право как «ограничение свободы каждого на условии взаимного согласия». Эта мысль нашла свое отражение во французской Декларации прав человека 1789 года, где гарантировано исполнение естественных прав каждого человека. Но для того, чтобы принципы права регулировали свободу, не достаточно их просто определить. Формальный принцип Канта выступает здесь необходимым, но отнюдь не достаточным принципом для взаимного регулирования отношений людей. Проблематичность понятия справедливости находит отражение в вопросе: «Как можно измерить свободу одного индивида и ограничить ее свободой другого?». Здесь требуются не только формальные гарантии частной «автономии», но и «материальные» шансы самоопределения личности.

В XIX веке Г. Еллинек соотносил отдельные права человека с различными правовыми статусами – статусом

¹Цит. по кн. R. Zippelius. Rechtsphilosophie. – München.: C.H. Beck, 2003. – S.186.

² Ibid.

negativus, статусом activus и статусом positivus.¹ К первой группе он относил основные права и свободы человека. При этом, статус negativus обосновывал ограничения власти в пользу индивида, где государство обязано было не мешать осуществлению его прав и свобод. Вторая группа совпадала с гражданскими правами политического участия. Имея статус activus, они являлись гарантией активного вмешательства индивида в политические события. В третью группу входили социальные права, которые должны были оформляться статусом positivus, что позволило бы гражданам пользоваться возможностями государства.

Анализируя основные права и свободы, Т. Маршалл, акцентировал внимание на особенностях их временной актуализации в государстве: первая группа появилась в XVIII, вторая – в XIX, а третья – в XX веке.² Он отмечал, что права первого поколения как элементарные требования свободы индивида подвергаются критике менее всего. Еще Ж.-Ж. Руссо подчеркивал, что наибольшую критику вызывает не индивидуальная свобода, а политическое самоопределение, поскольку обладатель власти склонен признавать права и свободы других, до тех пор, пока не встал вопрос о перераспределении сферы властных правомочий.

Относительно прав второго поколения, в частности прав политического участия, часто дискутируется проблема о том, кому и на каком основании нужно их давать:

- гражданам;
- лицам, проживающим на данной территории

¹ G. Jellinek. Das System der subjektiven öffentlichen Rechte. – Tübingen, 1995. – S.110

² T. Marshall. Bürgerrechte und soziale Klassen. – Frankfurt/M, 1992

продолжительное время;

- лицам, временно пребывающим в государстве
- или вообще всем индивидам?

Наиболее спорными являются социальные права, которые отнесены к правам третьего поколения. Логично задаться вопросом, как следует их понимать: исходя из того, что государство поддерживает попавших в беду, но все же, самостоятельных индивидов или только тех из них, кто безоговорочно нуждается в помощи? Сегодня даже либеральные государства ставят перед собой задачу способствовать самоопределению граждан, но отнюдь не с целью страхования их от социальных и экономических неудач.

В современном обществе индивидуальные права и свободы постоянно находятся под крылом государственной власти и зависят от лимита помощи государства. Причем, время от времени, возможности использования этой свободы остро нуждаются в такой помощи. В ряду основных прав Р. Алекси выделяет сегодня следующие группы:

- право индивида на защиту государством;
- право на оборону;
- право политического участия;
- право социальных гарантий;
- процессуальные права, которые относятся к способу осуществления прав перечисленных выше.¹

При более точном рассмотрении оказывается, что речь идет не просто о правах и свободах человека, но о теоретико-правовых концептах, которые характеризуются свойствами универсальности и фундаментальности, а также приоритетом в отношении положительного

¹ R. Alexy. Theorie der Grundrechte. – Frankfurt/M, 1994

права.

Следует отметить, что проблемным моментом нормативности прав человека является неоднозначность их формулировок в различных государствах. Еще хуже обстоит дело с их фактическим соблюдением. В этой ситуации идея права образует нормативную цель, которая требует бескомпромиссности и создания одинаково приемлемых условий жизни для человека. Это требование не должно зависеть от того, перешли ли соответствующие права в положительное право или нет. Права человека воспринимаются как идеалы, к которым политики обращаются лишь в речах предвыборных кампаний и, как ни парадоксально, зачастую становятся своего рода контрафактами. Чтобы понять механизм такой трансформации, нужно выяснить, какой смысл приобретает идея права вообще.

Для того чтобы кто-то имел право на что-то, в положительном смысле, необходимы минимум четыре условия:

- во-первых, должно быть ясно, кого следует считать носителем соответствующего права;
- во-вторых, необходимо знать, в чем заключается или состоит данное право;
- в-третьих, необходимо идентифицировать не только адресата, но и гаранта права;
- в-четвертых, должна быть установлена процедура обеспечения права.

Первое условие призвано разъяснить: кому именно принадлежат права человека. Основная проблема здесь состоит в уяснении смысла понятия «человек». Очевидно, что нельзя сводить понятие человека к биологической категории или соотносить его с неким групповым признаком. Индивид, это, прежде всего, личность со своей

автономией, включающей разумные, языковые, практические способности и нравственные установки.

Вторым условием является содержание или смысл прав человека. При возникновении конфликтов возникает необходимость следовать ссылке на бесспорность негативных и активных прав, а в случае возникновения разногласий в вопросах о социальных правах разночтения должны временно игнорироваться. Здесь уместно привести доводы постмодернистов неоднократно подвергающих критике нормативную идею прав человека. Наиболее радикальная позиция здесь принадлежит Ж.Ф. Лиотару, который считает права человека односторонним выражением традиций, свойственных Западной Европе.¹ Однако с мнением о том, что права человека имеют европейскую природу происхождения, трудно согласиться. Индивидуализированное право европейца на «самооборону» и защиту, прежде всего, от государства, исключает историческую коммунитарность культурных форм. Тем не менее, аналогичное право охраны человеческой жизни, уважения неприкосновенности и свободы индивида есть и в других неевропейских культурах. Очевидно, что категоричные формулировки прав человека Виргинского билля о правах и Декларации прав человека французской революции имеют идентичную основу. Права данного типа могут обеспечивать максимальную защиту интересов личности и поэтому нередко формулируются в формате одностороннего преимущества.

Здесь возникает ряд вопросов. Можно ли изменять содержание прав человека без учета культурного контекста отдельных народов? Следует ли устанавливать наряду с личными коллективные права человека, соот-

¹ J.F. Lyotard. Der Widerstreit. – München, 1989

нося его с определенной группой (например, права меньшинств)? Что означает обладание первоначальными и неприкосновенными правами? Против каких конкурирующих требований, эти права могут иметь преимущества и кто должен предоставлять их?

Особой проблемой прав человека является их обеспечение. Человеку необходимо не только предоставить, но и обеспечить реализацию его прав. Имеющий право должен иметь возможность действий. Для подавляющего большинства индивидов, имеющих права, возникает необходимость обращаться для их защиты и реализации за помощью государства. Юрисдикция конституционных судов, призванная предотвращать нарушение или ограничение основных прав может не справляться со своими задачами под давлением власти. Этим оправдывается существование ряда наднациональных организаций, призванных выполнять важную задачу наблюдения и применения санкций против государств, нарушающих права человека. К числу таких организаций относятся Комиссия по правам человека ООН и ряд других организаций. Однако как показывает практика, не им, а общественности, выполняющей независимый контроль за деятельностью структур власти, принадлежит главная роль в защите прав человека. Передача функций контроля в руки общественности приводит к качественным изменениям самого правового регулирования. Еще в XIX веке известный русский юрист Н. Коркунов писал: «Личность естественно противопоставляет интересу власти свои особенные, индивидуальные интересы, отстаивая и оберегая их. Каково бы ни было государственное устройство, кем бы ни осуществлялись функции власти, человеческое сознание всегда стремится

подчинить акты властвования юридическим нормам».¹

Обеспечение гарантий процесса реализации прав человека является проблемным полем любого государства. Здесь происходят основные разногласия в плоскости политических воззрений между различными либеральными концепциями. Одни считают принцип правового государства уже достаточной гарантией основных прав и свобод, другие настаивают на республиканских идеях демократии. Для многих юристов значительной проблемой является то, что права человека касаются неограниченного круга адресатов и безусловны в своем применении. Индивиды владеют не приобретаемыми и не отчуждаемыми правами, которые защищают честь и достоинство. Это ядро нормативной идеи политики, которое становится основным правовым принципом.

Практически во всех конституциях неприкосновенными благами являются честь и достоинство человека и государство обязано ориентироваться на уважение и содействие их реализации. Хотя употребление термина «достоинство» отличается универсальностью и неизменностью антропологического признака, тем не менее, еще стоики идентифицировали его неоднозначно. В греческом мышлении идеал гуманности базировался на сознании конечности жизни человека и необходимости уважения его при жизни. При Цицероне человеческая честь имела определенную форму, сопряженную с содержанием понятия «достоинство». Неограниченная жажда наслаждений считалась несовместимой с понятием достоинства человека.

В поздней античности и средневековье это представление связывалось с божественным происхождением

¹ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – СПб: Юридический центр Пресс, 2003. – С.318

ем человека. Так, Августин считал наличие духовных и умственных способностей человека доказательством его родства с Богом. Однако корни современного понятия человеческого достоинства лежат в моральном бытии – *ens morale*. Поэтому в XIII веке Великая хартия вольностей и позже П. Мирандолла связывали концепцию божественного происхождения человека с мыслью об автономии индивида, находя фундамент человеческого достоинства в свободе.¹ С. Пуффендорф выводил тождественность понимания человеческого достоинства из качества разумности, что достигло кульминации развития в метафизике И. Канта, оформившего понятие достоинства человека из формулы человека как самоцели. Человек имеет как личность не только внешнюю ценность относительно других, но и внутреннюю, обозначенную Кантом как достоинство человека. Способность к практическому самоопределению, включая свободное использование разума, и качество дееспособной автономии каждого, является и сегодня абсолютной ценностью.

Следует отметить, что наряду с человеческой честью понятие свободы образует центральный вопрос политической морали вообще. Как уже отмечалось, свобода оформляет границы признания лица дееспособным, причем, регламентации и ограничения в политической жизни действуют не только в качестве сущности личной и политической автономии, но и самоопределения, выбора собственной позиции в жизни. Понятие свободы нередко связывается с независимостью и активным распоряжением своими возможностями. Б. Констан отличал античную свободу от современной состоянием ценностных установок в публичной и частной сферах. Как

¹ Цит. по кн. Ch. Horn. Einführung in die Politische Philosophie. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2003. – S.91

ни парадоксально современная свобода ассоциируется с личными правами индивида, а античная предполагает его независимость в общественной сфере. Однако самое важное различие проявляется между негативной и позитивной свободой, находясь в тесной связи с дихотомией публичной и частной автономии субъекта.

Акцент на таком различии сделан впервые И. Берлином, который понимал под негативной свободой отсутствие внешней необходимости или внешних вмешательств.¹ Для лучшего понимания этой мысли, И. Берлин предлагал разграничить понятия свободы в двух вариантах – «свобода от» и «свобода для». Свобода в первом смысле предотвращает отрицательный вариант развития событий при оформлении рамок политических манипуляций по ее ограничению, а во втором – создает предпосылки для реализации действий индивида как активного члена общества.

Требования индивидуализма всегда стремятся к изменению состояний свободы в обществе, но гарантированная законом свобода приобретает лишь ценой взаимного ограничения. Жить в обществе и иметь право становится необходимостью, а не целью жизни. Только из своеобразия права как средства достижения целей могут быть оценены расширение или ограничение правового нормирования в обществе. Только так право приобретает легитимную меру и масштаб, создавая преимущества или ограничения прав и свобод человека, признается соответствующим своей идее – достижению справедливости в обществе.

¹ I. Berlin. Two Concepts of Liberty // Four Essays on Liberty. – Oxford, 1969

ПРОПАГАНДА ПРЕСТУПНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ ДОЛЖНА БЫТЬ ЗАПРЕЩЕНА ЗАКОНОМ

Исследования ученых-криминологов показывают, что существенное влияние на уровень преступности, в первую очередь преступности несовершеннолетних, оказывают средства массовой информации, навязывающие в качестве примеров для подражания культ насилия, грубости, жестокости, наркотиков.¹ Необычайный всплеск преступности в постсоветской России во многом объясняется тем, что преступный и аморальный образ жизни начал открыто пропагандироваться. Так, еще на заре перестройки были сняты «первые ласточки» бандитского кино: фильмы «Воры в законе» (впервые был представлен образ «благородного» бандита») и «Интердевочка» (в положительном свете была показана проститутка).

Сегодняшние телеканалы, кинотеатры, полки книжных магазинов буквально нашпигованы фильмами, сериалами и книгами, пропагандирующими бандитизм и безнравственность. Значительное число граждан России возмущено сложившимся положением и требует оградить российское общество от подобной продукции. Представители СМИ пытаются успокоить россиян, утверждая, что никакой связи между криминальными сериалами и ростом преступности не имеется, так как ни-

¹ См. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. д.ю.н., проф. А.И. Долговой. – М., 2005. – С.794

кто никого буквально не призывает к совершению преступлений. Однако это не так и объясняется следующим.

Человеческое восприятие устроено так, что большая часть информации – около 80% – усваивается через зрение. При этом оно на те же 80% подсознательно, то есть информация практически напрямую «впечатывается» в мозг, минуя всякие психологические условные запреты и табу.¹ Эта программа предназначена для тех ситуаций, когда думать некогда, и идет из тех времен, когда думать было просто нечем. Язык, психологию и правила поведения придумали гораздо позже. Этот механизм работает сейчас таким же образом, и человек, получая впечатление при просмотре кинофильмов и телепередач, чтении книг, фактически оказывается под гипнозом. Слуховое восприятие подсознательно в гораздо меньшей степени: сообщения поступают в виде слов, мозг самостоятельно конструирует соответствующий образ, и уже тот воздействует на сознание слушателя. Поэтому к устному слову человек относится критически. К книге – записи слов – уже нет – начинается «зрительный гипноз», усугубленный психологической установкой на доверие печатному слову. Многие читатели, после прочтения книг уходят с головой в иллюзорный мир и уже не хотят его покидать. Сервантес, описывая приключения Дон-Кихота, предупреждал об этом еще четыреста лет назад. «Постепенно добрый идальго до того пристрастился к чтению, что читал от рассвета до сумерек и от сумерек до утра... Голова его была полна всяких нелепых историй, вычитанных в рыцарских книгах... Мало-помалу он совсем перестал отличать правду от выдумки и ему казалось, что на всем

¹ См. Сенчуков Ю.Ю. Да-цзе-шу – искусство пресечения боя. – 2-е изд. МН.: «Современное слово», 2001. – С.10-12

свете нет ничего достовернее этих историй».¹ Несчаст- ный идалго не являлся каким-то исключением из пра- вил. Под влиянием беллетристики волнами проходили «эпидемии» моды на терроризм, самоубийство, кокаин, бродяжничество. Кто может быть опаснее книжного Дон- Кихота, боровшегося с ветряными мельницами и стадами овец? Современный юноша, подражающий героям бое- виков и готовый умереть или сесть в тюрьму, лишь бы выглядеть «круто». С 90-х годов прошлого века в России книжные прилавки заполнились множеством книг, от- кровенно пропагандирующих преступный образ жизни («Бригада», «Я – вор» и т.д.). Результаты не замедлились сказаться. Так, в 2004 г. в одной из «криминальных» про- грамм по телевидению был показан сюжет о группе сту- дентов юридического (!) факультета одного из вузов г. Москвы, которые пытались вымогать деньги у продавца коммерческого киоска. При задержании в кармане одно- го из них была найдена книга «Бригада», которую неза- дачливый вымогатель использовал в качестве «учебного пособия». Известный российский кинорежиссер С. Гово- рухин в своей книге «Великая криминальная революция» приводит пример, когда при обыске квартиры у главаря преступной группировки была найдена книга М. Пьюзо «Крестный отец», в которой рассказывается о деятельно- сти итальянской мафии в США. Некоторые места в книге были подчеркнуты, на полях имелись пометки – таким образом преступник учился бандитскому ремеслу.²

Однако еще более мощным средством воздействия на психику человека, чем книга, является телевидение.

¹ Мигель де Сервантес Саадвера. Хитроумный идалго Дон-Кихот Ламанч- ский. Роман. – Мн.: «Маст. Літ», 1977. – С.4

² См.: Говорухин С. Великая криминальная революция. 3-е изд. – М., 1995. – С.56

«Роль телевидения, истинного властителя умов нашего времени, трудно переоценить. Нет другого более эффективного средства воздействия на сознание огромных масс людей».¹ Когда человек смотрит телепередачу – он, как губка, впитывает информацию. Что ему предлагают с телеэкрана – то он обостренно и воспринимает. Телевидение является настоящим манипулятором сознания, с помощью которого большому количеству людей можно внушить практически все, что угодно. Это явление было замечательно описано в книге известного российского политолога С. Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием».² Примеры одурманивания наших граждан телевидением, приводящие к трансформации личности, мы видим на исписанных нецензурными словами стенах, на лицах напившихся пивом подростков, на примерах жестоких преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Благодаря телевидению в повседневную речь граждан РФ вошел преступный жаргон, чего не было при Советской власти. Слова «беспредел», «стрелка» и т.д. звучат сплошь и рядом, в том числе из уст российских политиков самого высокого ранга. Современное телевидение по существу является настоящим наркотиком, позволяющим контролировать поведение человека.

Взаимосвязь между пропагандой телевидением преступного образа жизни и уровнем преступности невозможно отрицать. Так, в США еще в начале 80-х годов в тюрьмах был проведен опрос осужденных, подтвердивший зависимость человеческой психики от телевизионного воздействия. Свыше 60% осужденных заявили, что совершили преступления, подражая телевизионным ге-

¹ Смирнов С.В. Времена лжи с Владимиром Познером. – М.: Изд-во Алгоритм, 2005. – С.6

² См.: Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Изд-во Эксмо, 2006

роям, а 22% переняли из передачи телевидения способы и приемы совершения преступлений.¹ Наименее защищенными от воздействия телевидения являются дети и подростки. Целая серия исследований (более 70), проведенная в США показала, что большинство детей и подростков оказываются неспособны различать спектакль и реальную жизнь. Это – эмоционально неустойчивые дети, отвечающие на сигналы ТВ как лунатики. ТВ прямо ведет их к насилию, к которому они вовсе не расположены ни душевно, ни социально. Но и вполне нормальные дети и подростки не могут устоять против программирующего воздействия телевидения. Вот примеры преступлений, совершенных несовершеннолетними под воздействием телевидения. В Барселоне трое подростков, посмотрев ТВ, воспроизвели восхитивший их трюк. Поздно вечером они натянули через улицу пластиковую ленту и наблюдали, как она перерезала горло мотоциклисту, который умер на месте. В Осло группа 5-6 летних детей насмерть забила 5 летнюю девочку, представлявшую в игре черепашку-ниндзя, которую били в одной серии мультфильма. В Нью-Йорке малолетние дети выкинули своего приятеля с 12 этажа, увидев подобную сцену в кинобоевике. Таких сообщений поступает все больше и больше. И во всех случаях идет речь о совершенно нормальных детях из среднего класса.

Не меньше вреда, чем пропаганда телевидением насилия, приносят циничные развлекательные шоу, которые ежедневно демонстрируются сегодня практически по всем телеканалам. «Дом» К. Собчак, «Пусть говорят» А. Малахова и прочие «реалити-шоу» пропагандируют самые низменные инстинкты, законы волчьей статьи, девиз

¹ Кара-Мурза С.Г. Указ. работа. – С.312

«человек – человеку волк». Все это так же влияет на уровень преступности в России. «Как же не быть взлету преступности, когда с человека снимают все нравственные ограничения. Публичное поощрение эротики, разнузданность ряда СМИ, неудержимый рост преступности – все это звенья одной цепи» – считает российский академик Э.А. Поздняков.¹ Аналогично высказываются и отечественные процессуалисты: «распространенность и легкодоступность порнографии во всех видах способствует распространению сексуальных преступлений».² Психолог И.Я. Медведева приводит случай, когда 8-летняя девочка, прочитав статью о «свободном» сексе, опубликованную в молодежном журнале, вступила в сексуальную связь со своим 10-летним братом.³ Если мы хотим сбить уровень преступности в РФ, необходимо оградить российское общество от потока агрессии, сексуальной распущенности, пошлости, хлынувшего из средств массовой информации в последнее десятилетие. Поэтому, по нашему мнению, телешоу подобные «Дому», должны быть запрещены раз и навсегда.

Анализируя вышесказанное, мы считаем, что пропаганда преступного образа жизни в России должна быть прекращена законодательно. Еще А. Солженицын в своем произведении «Архипелаг Гулаг» предлагал отправлять писателей и журналистов, создающих образ «благородного преступника» в тюремную камеру, чтобы они на собственной шкуре почувствовали «благородство» преступного мира. Для этого мы предлагаем дополнить гла-

¹ Поздняков Э.А. Философия преступности. – М., 2001. – С.342

² Марков А.А. Влияние средств массовой коммуникации на правонарушения и преступления несовершеннолетних. Автореф. дисс. канд. юр. наук. – С.-Петербург, 2000. – С.21

³ См.: Медведева И.Я. Дети нашего времени. – М., 1998. – С.127

ву 25 Уголовного Кодекса РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» следующей статьей.

Статья 239.1. Пропаганда преступного образа жизни.

Пропаганда преступного образа жизни, совершенная с использованием средств массовой информации, а равно создание кино- или видео видеоматериалов, либо печатной продукции, пропагандирующих преступный образ жизни – наказывается лишением свободы на срок до 3 лет.

Р.Р. Долотина

ст. преподаватель ИСГЗ

СТРАХОВОЙ ИНТЕРЕС – ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В юридической литературе существуют разные трактовки объекта правоотношения. Однако в ходе длительной дискуссии сложились в основном две концепции – монистическая и плюралистическая. Согласно первой из них объектом правового отношения могут выступать только действия субъектов, поскольку именно действия, поступки людей подвергаются регулированию юридическими нормами и лишь человеческое поведение способно

реагировать на правовое воздействие. Отсюда у всех правоотношений единый, общий объект.

Согласно второй позиции, более реалистичной и разделяемой большинством ученых, объекты правоотношений столь же разнообразны, сколь многообразны регулируемые правом общественные отношения, т.е. сама жизнь.¹

Автор присоединяется к точке зрения тех ученых, которые считают, что объектом правоотношения выступает то, на что направлены субъективные права и юридические обязанности его участников, иными словами, – то, ради чего возникает само правоотношение.²

Гражданский кодекс РФ и Закон «Об организации страхового дела в РФ» в качестве объекта страхования называют страховой интерес. Однако четкое определение самого понятия страховой интерес отсутствует. Кроме этого, между данными нормативными актами существуют определенные противоречия. В соответствии с Законом «Об организации страхового дела в РФ» выделяются три отрасли страхования: личное, имущественное и страхование ответственности. Однако Гражданский кодекс РФ относит страхование ответственности к имущественному страхованию в части покрытия имущественных ущербов и к личному страхованию – в части покрытия личных ущербов. По мнению автора, исходя из природы страхуемого интереса, более целесообразно выделение страхования ответственности в отдельную отрасль.

Существуют противоречия и в самом Гражданском кодексе РФ. Так, согласно ст.942 ГК РФ объектом иму-

¹ См.: Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Матузова Н.И., Малько А.В. – М.: Юристъ, 1997. – С.494

² См.: Белых В.С., Кривошеев И.В. Страхование право. – М.: Норма, 2001. – С.76

ущественного страхования является имущество или имущественный интерес. Здесь происходит отождествление таких разных понятий, как «условие об определенном имуществе» и «условие о страховом интересе». Первое условие является объектом страховой охраны в имущественном страховании, а второе условие – предметом (объектом) договора страхования.

Статья 930 ГК РФ определяет в качестве объекта страхования не имущество, а интерес о сохранении имущества.

Таким образом, не совсем ясно, что понимает законодатель под объектом страховых правоотношений: имущество, имущественный интерес или то и другое вместе.

В отечественной и зарубежной доктрине предпочтение отдается страховому интересу как объекту страхования, так как при заключении договора страхования, страховщик принимает на себя обязательство по возмещению убытков в денежной форме, а не обязательства восстановить имущество, пострадавшее от наступления страхового случая.¹ Обязанностью страховщика является возмещение того ущерба, который понесет страхователь. Страховой ущерб представляет собой материальный убыток, нанесенный страхователю в результате страхового случая в виде прямых и косвенных убытков.²

Прямой убыток означает количественное уменьшение застрахованного имущества или снижение его стоимости при сохранении материально-вещественной формы. В сумму прямого убытка включаются также затраты, производимые страхователем для уменьшения ущерба,

¹ См.: Серебровский В.И. Избранные труды. – С.372

² См.: Балабанов И.Т., Балабанов А.И. Страхование. – СПб: Питер, 2001. – С.80

на спасение имущества и приведение его в порядок после страхового случая. Таким образом, прямой убыток – это реальный ущерб.

Косвенный убыток означает ущерб, являющийся следствием гибели, повреждения имущества или невозможности его использования после страхового случая, т.е. косвенный убыток является упущенной выгодой.

По страховому полису возмещается только прямой ущерб, нанесенный застрахованным событием, а не вытекающие из него. Косвенный ущерб, например убытки от остановки производства в случае пожара или повреждения имущества водой, не покрываются обычным полисом, но могут быть включены в договор в виде страхования от дополнительных рисков.

Таким образом, страхуется не та или иная материальная вещь, а все то, с чем у страхователя связан имущественный интерес. Поэтому необходимо внести в Гражданский кодекс изменения, связанные с четким определением страхового интереса как объекта страховых правоотношений.

В экономической литературе страховой интерес определяется как экономическая потребность заинтересованных лиц в страховании.¹

В имущественном страховании интерес всегда ограничен стоимостью страхуемого имущества. Поэтому имущественное страхование базируется на принципе возмещения ущерба в доказанном размере, ограниченном страховой суммой. То же относится и к страхованию гражданской ответственности, связанной с возмещением материального ущерба, нанесенного третьему лицу.

¹ См.: Страхование. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Т.А. Федоровой. – М.: Экономистъ, 2003. – С.850

В страховании жизни страховой интерес не ограничен. Человеческая жизнь может быть застрахована в любой сумме, которую может позволить себе страхователь, исходя из финансовых возможностей по уплате страховой премии. Поэтому в страховании жизни концепция ущерба не используется. Речь может идти о выплате согласованной страховой суммы при наступлении определенных событий или по истечении срока действия договора. Право на получение страховой суммы принадлежит лицу, в пользу которого заключен договор страхования, т.е. выгодоприобретателю.

Принцип страхового интереса накладывает некоторые ограничения на страхование жизни и другие виды личного страхования. В большинстве стран существуют ограничения на страхование жизни детей, родителей, других родственников и тем более посторонних людей. Исключения составляют некоторые виды страхования детей, страхование супругов. В последнем случае различают два варианта: либо один из супругов страхует себя и другого, либо страхует себя и назначает другого в качестве выгодоприобретателя.

Существуют виды страхования жизни с ограниченным страховым интересом. Кредитор, предоставляя в долг крупную сумму денег, приобретает ограниченный страховой интерес в жизни своего должника. На этом факте основаны некоторые формы страхования жизни, сопутствующие кредитным отношениям. Условием предоставления кредита может быть договор страхования собственной жизни должником на сумму и срок погашения кредита, с указанием кредитора в качестве выгодоприобретателя.¹

¹ См.: Страхование. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Т.А. Федоровой. – М.: Экономистъ, 2003. – С.221-222

Гражданский кодекс РФ расширил перечень интересов, которые могут быть объектами личного страхования, в сравнении с нормами ранее действовавшей редакции закона «О страховании» (ст.4). Так, в ст. 934 ГК РФ в числе страхуемых событий названы: причинение вреда жизни или здоровью самого страхователя или другого названного в договоре лица, достижение им определенного возраста или наступление в его жизни иного предусмотренного договором события. Данная норма может толковаться чрезвычайно широко и в принципе позволяет снять все ограничения на спектр страхуемых интересов граждан.

Общий перечень интересов, которые могут быть застрахованы по договорам имущественного страхования, приведен в ст. 4 Федерального закона «Об организации страхового дела в РФ». Однако Гражданский кодекс этот перечень несколько сузил.

В частности, из всех финансовых рисков разрешено только страхование риска предпринимательской деятельности, причем риска самого страхователя и только в его пользу (ст. 933 ГК). Нельзя страховать как финансовый риск невыплату заработной платы или потерю работы. Потери от инфляции, если они не сопряжены с систематическим извлечением прибыли, также нельзя страховать как финансовый риск. Ответственность по договору можно страховать только в случаях, предусмотренных законом (ст. 932 ГК).

В юридической доктрине существуют несколько определений понятия «страховой интерес». Так, Серебровский считает, что страховой интерес – это имущественная ценность, которую страхователь может потерять

от страхового случая.¹ А.П. Сергеев и В.К. Толстой высказывают точку зрения о том, что страховой интерес – это основанный на законе, ином правовом акте или договоре объективно обусловленный интерес страхователя заключить договор страхования.² Е.А. Суханов же понимает под страховым интересом определенную потребность лица (страхователя, заинтересованного лица, выгодоприобретателя) в получении средств для компенсации (обеспечения) возможных потерь при наступлении неблагоприятных обстоятельств, связанных с принадлежащими ему имущественными ценностями или нематериальными благами.³

Корнфелд (Cornfeld) понимал под интересом «всякую для данного лица от известного обстоятельства выгоду или все, что данное лицо может получить от ненаступления или наступления известного события».⁴

Киш (Kisch) давал такое определение страхового интереса: «выгода, которую известное имущество имеет от ненаступления вредоносного события».⁵

Из указанных дефиниций следует, что интерес не существует вне связи с лицом, которое во благо себе имеет желание проявить заботу о сохранении имущества, материальной выгоды.

Функциональное значение интереса для существования страхового правоотношения состоит в том, что: договор страхования недействителен, если при его заключении не существует интерес, либо интерес отпадает во

¹ См.: Серебровский В.И. Избранные труды. – С.501

² См.: Гражданское право. Учебник. Часть 2 / Под ред. А.П. Сергеева, В.К. Толстого. – М.: Проспект, 1999. – С.498

³ См.: Гражданское право. Т. II. Полутом 2. Учебник / Отв. ред. проф. Е.А. Суханов. – М.: БЭК, 2000. – С.168

⁴ См.: Cornfeld. Die Lehre v.d. Interesse. – 1865. – S.57

⁵ См.: Kisch. Jherinegs Jahrbucher. – 1863. – S.369

время действия договора; страховой интерес определяет предел страхового вознаграждения, получаемого страхователем, размер части застрахованного имущества, оставляемого на риске страхователя; страховой интерес определяет отношения сторон договора при дополнительном страховании.¹

Проанализировав различные точки зрения, можно выделить следующие признаки страхового интереса.

1. Интерес должен быть имущественного свойства (моральные интересы не страхуются), хотя связан может быть с нематериальным предметом (правом, а не вещью).

2. Интерес должен быть юридическим, основанным на законе, ином правовом акте или договоре. (Западноевропейское право допускает существование страхового интереса, основанного на фактических отношениях.)

3. Интерес должен быть субъективным, что вытекает из сути субъективного получения вреда.

Признание возможности объективного интереса, означающее признание самого интереса без принадлежности его к лицу, лишает договор страхования его определенности, осложняет исполнение обязательств страховщика.

4. Интерес должен быть правомерным.

Так, Гражданский кодекс РФ (ст. 928) запрещает страхование:

- противоправных интересов;
- убытков от участия в играх, лотереях и пари;
- расходов, к которым лицо может быть принуждено в целях освобождения заложников.

Кроме того, по договору страхования риска ответственности за нарушение договора может быть застрахо-

¹ См.: Тузова Р.Р. Чем отличается страховой интерес от страхового риска / «Вестник ВАС РФ». – №1. – 2001

ван только риск ответственности самого страхователя, так как только его страховой интерес считается законным. Договор страхования, не соответствующий этому требованию, ничтожен. Аналогичным образом ничтожен договор страхования предпринимательского риска лица, не являющегося страхователем.

Ничтожными являются договоры страхования в отношении интересов, страхование которых прямо запрещено ГК РФ. Выход за пределы разрешенных рисков влечет также недействительность сделки страхования как не соответствующей закону (ст. 168 ГК). Страхование не разрешенного законом интереса делает договор страхования недействительным в целом.

Следует отметить еще одно важное положение Гражданского кодекса РФ. Если в договоре страхования наряду с запрещенными присутствуют и другие интересы, и при этом условия договора составлены таким образом, что страхование запрещенного интереса может быть изъято из него без какого-либо ущерба для страхования других интересов, то на эти другие интересы и условия их страхования правила о ничтожности договора не распространяются (ст. 180 ГК).

Таким образом, можно вывести следующее определение страхового интереса. Страховой интерес – это основанный на законе или договоре правомерный имущественный интерес страхователя в отношении определенного объекта страхования и являющийся базой страхового правоотношения. По мнению автора, в ФЗ «Об организации страхового дела в РФ» и в ГК РФ необходимо закрепить положение о том, что объектом страхования является страховой интерес и дать его четкое определение.

МЕЖОТРАСЛЕВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕДУРЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Реорганизацией признается прекращение юридического лица с переходом его прав и обязанностей к другим юридическим лицам. Реорганизацию принято считать гражданско-правовым институтом, поскольку гражданским правом в Гражданском кодексе РФ и принятыми в соответствии с ним специальными законах об отдельных видах юридических лиц определены основания, порядок и формы реорганизации, принципы правопреемства. Однако гражданское законодательство не является единственным источником правового регулирования реорганизации. Большое количество правовых норм, опосредующих процедуру реорганизации юридических лиц, содержится в актах иной отраслевой принадлежности, в том числе относящихся к публично-правовым актам. Это дает основание рассматривать институт реорганизации не только как гражданско-правовой, но и как комплексное нормативное образование, включающее в себя нормы различных отраслей права.

Одним из примеров такого комплексного (межотраслевого) подхода к регулированию процесса реорганизации юридических лиц являются основания реорганизации.

В основании реорганизации юридического лица лежит волеизъявление уполномоченного субъекта права,

направленное на прекращение деятельности юридического лица. Подобное полномочие (полномочие прекратить юридическое лицо) предоставляется субъекту права в соответствии положениями Гражданского кодекса РФ либо законом, либо учредительными документами юридического лица.

Согласно ст. 57 ГК РФ¹ основанием реорганизации юридического лица является:

- 1) решение учредителей (участников) юридического лица (п.1.ст.57 ГК РФ);
- 2) решение органа юридического лица, уполномоченного на то учредительными документами (п.1. ст.57 ГК РФ);
- 3) решение уполномоченных государственных органов или решение суда в установленных законом случаях (п.2. ст.57 ГК РФ).

Гражданский кодекс устанавливает основания реорганизации лишь в самой общей форме, им не определяется ни порядок принятия решения о реорганизации юридического лица, ни условия, при которых данное решение может быть принято. Для решения данных вопросов ГК РФ отсылает к иным нормативно-правовым актам, носящим как гражданско-правовой, так и публично-правовой характер.

Реорганизация по основаниям, предусмотренным в п.1. ст.57 ГК РФ называется добровольной, поскольку осуществляется по воле лиц, учредивших организацию либо являющихся ее участниками. Порядок принятия решения о реорганизации юридического лица учредителями (участниками) достаточно полно урегулирован нормами гражданского права, но уже и здесь они вступают во

¹ Часть первая Гражданского кодекса РФ от 30 ноября 1994г. № 51-ФЗ // СЗ РФ от 5.12.1994г., № 32, ст.3301

взаимодействие с нормами других отраслей права, в первую очередь, конечно, с нормами антимонопольного законодательства.

В п.3. ст. 57 Гражданского кодекса РФ содержится отсылка к закону, которым должны быть установлены случаи, когда реорганизация юридических лиц в форме слияния, присоединения или преобразования может быть осуществлена лишь с согласия уполномоченных государственных органов. Таким законом является Закон РФ «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках».¹ В ст.17 данного нормативно-правового акта предусмотрено получение обязательного предварительного согласия федерального антимонопольного органа на слияние и присоединение коммерческих организаций, суммарная балансовая стоимость активов которых по последнему балансу превышает 200 тысяч, установленных федеральным законом минимальных размеров оплаты труда, осуществляются с предварительного согласия антимонопольного органа. Аналогичное правило предусмотрено, также ст. 17 Федерального закона «О защите конкуренции на рынке финансовых услуг»² при слиянии и присоединении финансовой организации в случае, если размер уставного капитала такой организации превышает:

- 160 млн.рублей – в отношении кредитной организации;
- 10 млн.рублей – в отношении страховой организации;
- 5 млн.рублей – в отношении иных финансовых организаций.

¹ РГ №89/1991 г.

² СЗ РФ от 28.06.1999 г., № 26, ст.3174

Нарушение требования о получении предварительного согласия на проведение реорганизационных процедур может повлечь наложение штрафа на виновных лиц и признание недействительным решения о реорганизации.

В ряде случаев в законодательстве содержится требование о согласовании решения о реорганизации юридического лица с органами государственной власти. В качестве примера можно привести ст. 33 ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах»¹, согласно которой реорганизация негосударственного пенсионного фонда осуществляется на основании решения совета фонда по согласованию с уполномоченным федеральным органом при условии неухудшения условий негосударственного пенсионного обеспечения участников и обязательного пенсионного страхования застрахованных лиц в соответствии с заключениями аудитора и актуария (лица, в соответствии с установленными правилами осуществляющего оценивание принятых на себя фондом обязательств).

Взаимодействие норм публичного права с нормами права гражданского при принятии решения о проведении добровольной реорганизации наиболее показательны при реорганизации унитарного предприятия в форме преобразования в юридическое лицо иной организационно-правовой формы. В данном случае решение уполномоченного органа будет направлено не только на прекращение деятельности юридического лица, но, и это очень важно, на отчуждение государственного имущества в собственность вновь возникающего юридического лица, т.е. на приватизацию. Поэтому решение о реорганизации, порядок и условия его принятия, будут урегулированы не только и не столько Гражданским кодексом РФ и ФЗ «О

¹ СЗ РФ от 11.05.1998 г., № 19, ст.2071

государственных и муниципальных унитарных предприятиях»¹ (актами гражданского законодательства), а сложным комплексом нормативно-правовых актов о приватизации (актами законодательства скорее публично-правового характера, чем частного).

Таким образом, несмотря на диспозитивный подход к регулированию данных отношений, взаимодействие норм гражданского и норм права иных отраслей при добровольной реорганизации достаточно многообразно. Однако наиболее ярко такое взаимодействие проявляется при принудительной реорганизации юридических лиц.

Принудительной признается такая реорганизация, которая осуществляется помимо воли ее участников (учредителей) по решению компетентного государственного органа либо суда в целях защиты интересов общества и государства. В соответствии с п.2 ст. 58 Гражданского кодекса такая реорганизация возможна только в случаях, прямо предусмотренных законом, и только в форме разделения юридического лица либо выделения из его состава одного или нескольких юридических лиц.

Гражданское законодательство лишь обозначает возможность принудительной реорганизации и определяет формы, отсылая в остальном к нормам публичного законодательства.

Одним из нормативно-правовых актов, определяющих основания и порядок принудительной реорганизации в соответствии с Гражданским кодексом РФ является опять-таки Закон РФ «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках». Согласно п.1 ст. 19 закона антимонопольный орган вправе выдать предписание о принудительном разделении

¹ СЗ РФ от 2.12.2002 г., № 48, ст.4746

коммерческой организации или осуществляющей предпринимательскую деятельность некоммерческой организации, занимающих доминирующее положение, либо о выделении из их состава одной или нескольких организаций в случае систематического осуществления ими монополистической деятельности.

Как было отмечено, согласно требованиям Гражданского кодекса РФ принудительная реорганизация возможно только в форме выделения и разделения. Однако публичное право не ограничивается рамками, очерченными частным, и предусматривает принудительную реорганизацию и в форме преобразования. Право принудительной реорганизации кредитных организаций предоставлено государственной корпорации «Агентство по реструктуризации кредитных организаций» (АРКО) ФЗ «О реструктуризации кредитных организаций» (ст.4 и 14).¹ Причем, необходимо подчеркнуть, АРКО не является ни одним из тех субъектов права, которые указаны в ст. 57 Гражданского кодекса как субъекты, чье волеизъявление может являться основанием для начала проведения реорганизационных процедур в отношении юридического лица.

Право требовать принудительной реорганизации кредитной организации предоставлено также Центральному банку РФ федеральными законами «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций»² (ст.32), «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»³ (ст.74).

Приведенные выше примеры взаимодействия гражданско-правовых и публично-правовых норм при уста-

¹ СЗ РФ от 12.07.1999 г., № 28, ст.3477

² СЗ РФ от 01.03.1999 г., № 9, ст.1097

³ СЗ РФ от 15.07.2002 г., № 28, ст.2790

новлении оснований реорганизации юридических лиц подтверждают сделанный выше вывод о том, что реорганизация юридических лиц является не только гражданско-правовым институтом. Как было показано, публичное право дополняет гражданское новыми основаниями для проведения реорганизационных процедур, конкретизирует условия, при которых может быть принято решение о реорганизации, и определяет государственные органы (и не только органы), которые вправе инициировать процесс принудительной ликвидации. Таким образом, реорганизация юридического лица – это еще и комплексное нормативно-правовое образование, состоящее из правовых норм, различной отраслевой принадлежности.

С.Х. Миннеханова
доцент ИСГЗ

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ГОСУДАРСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАРУБЕЖНОГО ИМУЩЕСТВА

В данной статье рассматривается проблема участия государств в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, которая имеет многовековую историю, и до настоящего времени не утратила своего значения. Это во многом обусловлено двойственностью его правового положения: государство признается одновре-

менно участником и публичных, и частных отношений. В результате государство выступает, с одной стороны, как носитель публичной, суверенной власти, а с другой – как собственник государственного имущества. Это накладывает особый приоритет в осуществление государством, в частности публичными образованиями, принадлежащих им субъективных прав, в том числе права собственности на соответствующее имущество.

В силу п.1 ст.2 Гражданского кодекса РФ публичные образования участвуют в гражданских отношениях без каких-либо ограничений. К сожалению, в международно-правовой практике, в особенности, в практике международно-правового регулирования целостности и неприкосновенности зарубежной государственной собственности, права государства, в случае участия их в гражданском обороте с государственным имуществом, находящимся за рубежом, в ином качестве, а именно, в качестве предпринимателя, рассматриваются как действия, противоречащие публичному порядку использования государственного имущества.

Во-первых, придание гражданской правосубъектности государственным органам через посредство организационно-правовой формы учреждения имеет своим результатом распределение значительной части имущества государства между самостоятельными субъектами гражданских правоотношений – государственными учреждениями.¹ Тем самым государственные учреждения наряду с унитарными предприятиями выполняют функцию ог-

¹ Усков О. Самостоятельная правосубъектность государственных органов и ответственность государства по обязательствам из договора // Хозяйство и право. – 2003. – №9. – С.105-112; Костин А.В. Взыскание задолженности Российской Федерации за счет казны // Законодательство. – 2000. – №3. – С.15-27

раничения количества имущества государства, на которое может быть обращено взыскание по гражданско-правовым обязательствам последнего (ст. 126, 215 ГК РФ).

Данное обстоятельство создает трудноразрешимую в современных условиях коллизию нормативных правовых актов, занимающих одну ступень в иерархической лестнице. Как известно сходная проблема была предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ, который указал, что противоречия между ГК РФ и другими федеральными законами, регулирующими указанные отношения, должны устраняться в процессе правоприменения, так как Конституцией РФ не определяется и не может определяться иерархия актов внутри одного их вида, в данном случае – федеральных законов. «Ни один федеральный закон в силу статьи 76 Конституции РФ не обладает по отношению к другому федеральному закону большей юридической силой».¹

Во-вторых, многие публичные функции государства, а также те функции, которые государство в силу особой экономической, общественной или текущей конъюнктурной значимости взяло на себя, требуют определенного включения публичного имущества в гражданский оборот, что опосредуется как традиционными, так и специально создаваемыми цивилистическими конструкциями.

В связи с тем, что развитие предпринимательской деятельности государства в современный период привело

¹ См.: определение Конституционного Суда РФ от 3 февраля 2000, №22-О «По запросу Питкярантского суда Республики Карелия о проверке конституционности статьи 26 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций». Аналитическая позиция КС РФ выражена в определениях от 9 апреля 1998 года №51-О, от 19 мая 1998 года №62-О, от 8 октября 1998года №195-О.

к созданию наряду с так называемыми публичными корпорациями государственных юридических лиц, учреждаемых в форме торговых товариществ, правовое положение которых отличается от статуса частного юридического лица, а также смешанных компаний, в которых государство участвует в капитале наряду с частным капиталом, М.И. Кулагин предлагает подразделять юридические лица не на публичные и частные, а на государственные, смешанные и частные.

Разграничение юридических лиц на субъектов публичного и частного права может иметь значение, лишь если законодательство данного конкретного государства устанавливает различный правовой режим указанных групп лиц именно в зависимости от их функций, порядка образования или структуры внутренних отношений. Однако такая классификация не имеет юридического значения в случае, если правопорядок ориентируется на иной критерий – социальную природу юридических лиц (государственные, общественные, частные).

В признании публично-правовой личности заключается одновременно ее наделение гражданской правоспособностью. Это приводит не только к смешению публичной правоспособности с гражданской, но и к уравниванию всех имущественных правоотношений субъектов, обладающих гражданской и публичной правосубъектностью, как в сфере частного, так и публичного права.

Признавая позицию А.В. Венедиктова¹, О.С. Иоффе² по вопросу сущности права собственности, которая состоит в том, что носитель права собственности отно-

¹ См.: Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. – М.-Л., 1946. – С.34

² См.: Иоффе О.С. Правоотношение по советскому праву. – Л.: Изд-во ЛГУЮ, 1949. – С.102-103

сится к вещи как к своей и может пользоваться своею властью и в своем интересе, в вопросе осуществления права собственности публично-правовых образований, следует отметить определенного рода обязанности, ограничения, которые закон возлагает на самого носителя права собственности. Такие ограничения исходят из публичных функций государства как носителя суверенитета, в силу существования которых публично-правовые образования признаются субъектами особого рода (*sui generis*). В данной ситуации публично-правовые образования проявляют общественный публичный интерес, вытекающий из конституционно-правовой компетенции публично-правовых образований по управлению государственной собственностью (ст. 71, 72 Конституции РФ), хотя они и осуществляют его обычными гражданско-правовыми способами (с ограничениями по порядку и процедуре их реализации).

Таким образом, соединение в одном лице нескольких видов правосубъектности не означает возникновения соответствующего количества субъектов правоотношений. Как писал С.Н. Братусь, «фиск и государство как субъект публичной власти не являются различными субъектами: это все стороны одного и того же явления – государства».¹ Таким же образом применение категории юридического лица публичного права устраняет необходимость различения одного и того же субъекта как двух различных в зависимости от того, в каких правоотноше-

¹ Братусь С.Н. Юридическая личность государства и бюджетных учреждений. ВИЮН МЮ СССР. Ученые труды. Вып. IX. – М., 1947. – С.11. Имеется в виду принятое со времен римского частного права противопоставление казны как субъекта имущественных отношений и государства как субъекта властных правоотношений. Обоснованную критику данного подхода см.: Лазаревский Н. Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами. – СПб, 1905. – С.30

ниях он участвует. Это же предлагала, к примеру, Р.О. Халфина, разграничивая выступление госбанка как «органа государственного управления» и «как юридического лица, участника хозяйственного оборота, чье поведение регулируется соответствующими нормами гражданского права»¹, ни есть придание ему различности субъекта.

Соответственно, концепция публичного юридического лица в лице государства, предполагает тот факт, что государство способно к осуществлению своей правосубъектности и в сфере частного права без дополнительного использования организационно-правовой формы юридического лица частного права, однако лишь при тех условиях, что оно признано данным правопорядком субъектом гражданского права по осуществлению своих имущественных интересов на общих основаниях с другими участниками гражданского оборота.

Внешне проблема состоит в определении субъектного состава правоотношения с участием государственного органа (его стороной выступает публично-правовое образование в целом либо только созданное им юридическое лицо). Следовательно, в определении того имущества, на которое можно обратить взыскание по долгам государства или по долгам созданного им учреждения (п.1 ст. 126 ГК РФ).²

Как следует из приведенных примеров организация участия государства и его органов в частноправовых отношениях в зарубежных странах, придание органам пра-

¹ Халфина Р.О. Правовое положение Государственного банка СССР // Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права. – 1947. – №1. – С.15

² Суханов Е.А. Об ответственности государства по гражданско-правовым обязательствам // Вестник ВАС РФ. – 2001. – №3. – С.117

восубъектности и ее содержание зависят от конкретной правовой системы.

В связи с этим Кантор Н.¹ предлагает разработать в отечественном законодательстве новую концепцию об участии государственных органов в частноправовом обороте как юридических лиц публичного права и автор с этим соглашается так как:

– во-первых, с одной стороны, это позволит квалифицировать всякое действие государственного органа в гражданском обороте как действие соответствующего публичного образования, а с другой – создаст персонафикацию каждого отдельного органа как субъекта частного права для целей удовлетворения «учрежденческих нужд»;

– во-вторых, данное обстоятельство положительно скажется на разрешении вопросов о принципах, объемах ответственности публично-правовых образований по обязательствам, в вопросах порядка предъявления иска к государству и обращения взыскания на публичное имущество, так и, как в нашем случае, создаст балласт управления и охраны государственной как территориальной, так и зарубежной собственности государства.

Соответственно, возникает вопрос: может ли данная норма – норма юридического лица публичного права, иметь экстерриториальное значение. Может ли данная норма рассматриваться как не допускающая заграничные обеспечительные меры против федерального имущества и заграничное обращение взыскания на такое имущество? Безусловно, так считать можно. Однако анализ позволяет прийти к выводу о том, что, скорее всего, такое мнение правильным не является. Скорее представляется,

¹ См.: Кантор Н. Указ. соч. – С.63

что в приведенной норме имеется в виду невозможность изъятия и обременения имущества правового образования обязательствами только в области материально-правового оборота, а не в процессуальной форме и не в сфере исполнения судебных актов. Иными словами, в ней говорится о том, что без согласия собственника имущества случаи изъятия невозможны, кроме изъятия в пользу самой Российской Федерации. Правильность вышесказанного подтверждается, например, п.2 ст.235 Гражданского кодекса РФ, который предусматривает: «Принудительное изъятие у собственника имущества не допускается, кроме случаев, когда по основаниям, предусмотренным законом, производятся: обращение взыскания на имущество по обязательствам» (ст. 237).

Регулируя вопросы охраны государственной собственности Российской Федерации, находящейся за рубежом, фундаментальным стоит вопрос восстановления права контроля над принадлежащим Российской Федерации имуществом зарубежным имуществом, возникшим после распада СССР. В решении этого вопроса одним из средств защиты мог бы быть способ известный еще римскому праву как *rei vindicatio* – «иск об истребовании вещи». Подобный иск известен, как отмечалось выше, только гражданско-правовым традициям. При этом *rei vindicatio* является парадигмой абсолютного по своей природе права собственности и общей обязанности всех не собственников воздерживаться от завладения данным имуществом без согласия на то его собственника.

Таким образом, право собственности требует защиты от возможных рисков (например, в гражданско-правовой традиции – негативный иск и иные, зафиксированные в кодексах ряда стран специальные иски в защиту от возможного риска; в общем праве – иск о нарушении

владения (trespass)). Безусловно, это же относится и к вопросам возврата собственности, коль скоро собственник лишился такого (например, виндикационный иск в гражданском праве; иски о восстановлении владения недвижимостью (ejectment), и о присвоении движимого имущества (conversion) – в общем, праве).

Выводы этого раздела работы основаны, во-первых, на требованиях о необходимости соотношения норм международно-правового и гражданско-правового регулирования охраны объектов государственной собственности, находящихся за рубежом. Во-вторых, это управление государственной зарубежной собственностью как форма защиты права титульного владения Российской Федерации и урегулирование использования государственной зарубежной собственности в имущественном коммерческом обороте путем применения частного права в публично-правовых нормах. В-третьих, необходимость заключения двусторонних соглашений по вопросам подтверждения права собственности на объекты зарубежной собственности Российской Федерации.

В силу сказанного автором предлагается установить правовую охрану госзарубежсобственности России путем использования собственности в частных интересах государства по удовлетворению общественных потребностей всего общества.

РЕФОРМИРОВАНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В РФ

В настоящее время проблема изучения российского избирательного пространства является одной из центральных в рамках политологии. Понятие «избирательная система» не получило точного и ясного определения в отечественной и зарубежной юридической литературе. Многие исследователи под избирательной системой понимают совокупность политических отношений, возникающих в процессе организации и проведения выборов, а также осуществления взаимоотношений избирателей с депутатами. В большинстве зарубежных стран под избирательной системой понимают порядок определения результатов выборов (техничко-процедурные нормы). Представляется, что избирательный процесс – сложная, многогранная категория, включающая в себя несколько компонентов: пассивный избирательный процесс (избрание кандидатов), активный избирательный процесс (участие в голосовании) и избирательные технологии.

Переход на пропорциональную систему выборов в Госдуму – формирование парламента по партийным спискам, а затем и назначение губернаторов, были обусловлены реформированием избирательной системы в России.

Реформирование избирательной системы началось с принятия ФЗ от 11 декабря 2004 года №159-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «Об общих принципах организа-

ции законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и с ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Многие субъекты РФ уже оценили результаты реформирования – назначение высшего должностного лица субъекта РФ. Президент, назначая кандидатуру по согласованию с законодательным органом власти, может также освободить от должности губернатора. А это значит, что контроль над работой исполнительной власти в регионе будет осуществляться как через его законодательный орган, так и с президентской стороны, таким образом, очевидно усиление вертикали власти.

Реформирование избирательной системы новый этап в становлении России, основные задачи профессиональное управление, повышение информированности и доверия граждан к власти, которая будет более ответственна перед населением.

Р.Ф. Гарипов
преподаватель

ДЕЛИКТОСПОСОБНОСТЬ «НИЩИХ» ГРАЖДАН

1. В доктрине Гражданского Права под «деликтоспособностью» понимается возможность нести самостоятельную имущественную ответственность. Ее возникновение, так же как и возникновение дееспособности, свя-

зано с достижением гражданином определенного возраста. В частности, полностью деликтоспособными являются лица, обладающие полной дееспособностью.

2. На практике полностью дееспособное лицо далеко не всегда может обладать полной деликтоспособностью, а порой у такого гражданина деликтоспособность отсутствует вовсе. Например, если гражданин имеет крупную задолженность перед своими кредиторами и при этом у него нет никакого имущества, на которое можно было бы обратить взыскание для покрытия долга. Живёт такой гражданин, допустим, у любовницы, которая его полностью содержит. Никаких доходов у этого гражданина нет: он нигде не работает, не занимается предпринимательской деятельностью и не получает никаких пособий. Более того, упомянутый гражданин даже и не собирается в ближайшее время искать себе источник доходов. Требовать возвращения долга у его любовницы незаконно – она самостоятельное лицо и не участвовала ни в каких обязательствах. Что же можно сделать в этой ситуации?

3. В Древнем Риме и в некоторых средневековых государствах за долги можно было угодить в рабство. Однако рабство в Российской Федерации запрещено, так что рассчитывать на такое решение вышеозначенной проблемы совершенно не стоит, иначе можно загреметь под статью 127,2 Уголовного Кодекса.

4. Если обратиться всё к той же истории права, то человек, который не мог самостоятельно погасить задолженность по гражданско-правовой сделке, имел право добровольно отработать долг перед своим кредитором. Предполагается, что такое решение нашей проблемы существует до сих пор. Если должник не способен восполнить задолженность собственным имуществом, то он

может по личному убеждению честно признаться в этом разгневанному кредитору и договориться возместить долг иным образом, в частности, своими трудовыми ресурсами. Но таких порядочных должников в современном мире очень мало, поэтому необходимо искать более действенные способы по выбиванию долга.

5. Закон поощряет только правомерные поступки людей. Поэтому применение незаконных способов истребования долга в нашей правовой системе не допустимо. Если нанять преступников, которые запугают должника и заставят его заплатить нужную сумму, то можно опять же пойти на конфликт с Уголовным Кодексом.

6. Следующий способ выколачивания долга – это обращение в суд. Правда, и здесь можно натолкнуться на несовершенство законодательства. В частности, пункт 3 статьи 1083 ГК РФ гласит, что суд вправе уменьшить размер возмещения вреда (даже при наличии всех условий ответственности причинителя), приняв во внимание имущественное положение лица, причинившего вред. То есть суд может пожалеть нерадивого должника, если в его имущественной сфере большие проблемы. При этом суд проигнорирует не меньшие проблемы кредитора, который пытается добиться справедливости и компенсации своих нарушенных законных интересов.

7. Но у судебного способа есть и другие «подводные» камни. Если допустить, что суд вынесет решение в пользу отчаявшегося кредитора и обяжет должника заплатить долг, то факт исполнения такого решения может и не наступить. Согласно статье 26 Федерального Закона «Об исполнительном производстве» от 4 июня 1997 года, исполнительный документ, выданный судом для реализации принятого решения, возвращается взыскателю, если у должника отсутствуют имущество или доходы, на

которые может быть обращено взыскание, и принятые судебным приставом-исполнителем все допустимые законом меры по отысканию его имущества или доходов оказались безрезультатными. Конечно, в этом случае закон не запрещает взыскателю вновь обратиться к приставам за исполнением такого судебного решения, но лишь в те сроки, которые установлены статьей 14 ФЗ «Об исполнительном производстве». Этот срок составляет, по общему правилу, 3 года. Значит, при наличии вступившего в законную силу решения суда и исполнительного листа далеко не факт, что получится что-нибудь взыскать с нашего коварного должника. Поэтому данный способ нам тоже не совсем подходит.

8. Для выколачивания долга можно обратиться всё к тому же Уголовному Кодексу, который до сих пор запрещал нам применение незаконных методов. Там есть статья 177 «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности», по которой нерадивый должник может быть лишён свободы сроком до двух лет. Но спешить радоваться не стоит. Если следовать смыслу данной статьи, то привлечь к уголовной ответственности можно далеко не всякого должника и не в любом случае, а лишь при наличии следующих оснований:

а) кредиторская задолженность не возмещается в крупном размере.

Крупным по современному уголовному законодательству считается сумма, которая превышает 250 тысяч рублей. То есть кредиторы, которые пытаются истребовать долг в размере меньшем, чем 250 тыс. руб., уже не могут воспользоваться данной статьей.

б) принято и вступило в законную силу решение гражданского или арбитражного суда о ее погашении, т.е. кредитор воспользовался судебной защитой своих

нарушенных прав. В нашем случае судебное решение, допустим, уже имеется. Но...

в) имеются обстоятельства, свидетельствующие о нежелании должника выполнять решение суда (например, перемена им места жительства, перемена фамилии; перевоз имущества за рубеж или передача его другим лицам и т.п.), при наличии у него такой возможности.

Особо стоит обратить внимание на последнее условие применения статьи 177 УК РФ. Так вот, в нашем случае должник не скрывает своего имущества и не отказывается от принятого на себя долга. У него просто нет имущества, которым он мог бы удовлетворить наши требования. Следовательно, статья 177 УК РФ нам, опять же, поможет мало, равно как не поможет нам и статья 315 УК, которая предусматривает уголовную ответственность за злостное неисполнение решения суда. В последней препятствием является всё тот же термин «злостность», предполагающий наличие умысла должника.

9. Проанализировав все предусмотренные законами средства истребования долга, я прихожу к выводу, что взыскать с «нищего» гражданина сумму задолженности легитимными методами невозможно. Поэтому имеет смысл поставить в доктрине Гражданского Права следующий вопрос: может ли лицо, не имеющее абсолютно никакого имущества и доходов, быть деликтоспособным? На мой взгляд, не может, поскольку самостоятельно расплатиться с долгами в силу трудного материального положения оно не в состоянии и, как следствие, не в состоянии самостоятельно выступать в гражданском обороте.

10. Однако не всё так мрачно в современном гражданском законодательстве. На помощь нашей ситуации могут прийти превентивные меры описанного выше на-

рушения. В главе 23 ГК РФ содержится перечень так называемых способов обеспечения исполнения обязательства. В частности, ими являются неустойка, залог, удержание имущества должника, поручительство, банковская гарантия, задаток и другие способы, предусмотренными законом или договором. На сегодняшний день данные способы считаются самыми надёжными в точки зрения будущего исполнения обязательства. Если, к примеру, у должника на момент погашения долга не окажется никакого имущества, а при заключении основного обязательства кредитор предусмотрительно заберёт в залог какую-нибудь ценную вещь должника, то удовлетворить свои требования он сможет из заложенного имущества преимущественно перед всеми другими кредиторами должника. Поэтому цивилисты-практики советуют всегда заранее обеспечивать исполнение своих обязательств, иначе можно столкнуться с бесчисленными проблемами по возврату долга и в итоге так и не добиться этого.

Использованные нормативно-правовые акты и научная литература

1. Конституция Российской Федерации // Российская газета. – 1993, 25 декабря.
2. Гражданский Кодекс РФ (часть первая): [от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ] // СЗ РФ. – 1994. – №32. – Ст.3301; 1996. – №9. – Ст.773; №34. – Ст. 4026; 1999. – №28. – Ст.3471; 2001. – №17. – Ст.1644; №21. – Ст. 2063; 2002. – №12. – Ст.1093; №48. – Ст.4746; №48. – Ст.4737; 2003. – №2. – Ст.167; №52 (Часть 1). – Ст.5034; 2004. – №27. – Ст.2711; №31. – Ст.3233; 2005. – №1 (часть 1). – Ст.18; №1 (часть 1). – Ст.№39; №1 (часть 1). – Ст.43; №27. – Ст.2722; №30 (часть 2). – Ст. 3120; «Российская газета» от 17 января 2006 г. №6.
3. Гражданский процессуальный кодекс РФ: [от 23.10.2002 N 138-ФЗ] // СЗ РФ. – 2002. – №46. – ст. 4532; 2003. – №27 (часть I). – ст. 2700; 2004. – №24. – ст. 2335; №31. – ст. 3230; №45. – ст. 4377;

2005. – №1 (часть I). – ст. 20; №30 (часть I). – ст. 3104; 2006. – №1. – ст. 8.

4. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ // СЗ РФ от 17 июня 1996 г. №25 ст. 2954, в «Российской газете» от 18 (ст.ст. 1-96), 19 (ст.ст. 97-200), 20 (ст.ст. 201-265), 25 (ст.ст. 266-360) июня 1996 г. №113, 114, 115, 118.

5. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. №119-ФЗ «Об исполнительном производстве» // РГ от 5 августа 1997 г., СЗ РФ от 28 июля 1997 г., №30, ст. 3591.

6. Ювенальное Право: Учебник для вузов / Под ред. А.В. Заряева, В.Д. Малкова. – ЗАО Юстицинформ, 2005.

7. Комментарий к Уголовному Кодексу РФ / Отв. ред. В.М. Лебедев. – 3-е изд., доп. и испр. – М.: Юрайт-Издат, 2004.

8. Тихомиров М.Ю. Индивидуальный предприниматель: гарантии деятельности, новый порядок государственной регистрации – М.: Изд. Тихомирова М.Ю., 2004.

9. Гражданское право России. Обязательственное право: Курс лекций (под ред. О.Н. Садикова). – М.: «Юрист», 2004.

10. Н.А. Васецкий, Ю.К. Краснов. Российское законодательство на современном этапе. Государственная Дума в формировании правового пространства России (1994-2003). – М.: Издание Государственной Думы РФ, 2003.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>М.М. Галимов.</i> Воспитательная роль наказания.....	3
<i>М.М. Галимов.</i> Воспитательная роль стадии применения закона.....	11
<i>В.С. Чершинцев.</i> Коррупция: проблемы определения.....	19
<i>В.Н. Печников.</i> Профессор Казанского университета Николай Степанович Захаров: ученый, воин, человек.....	25
<i>М.В. Байтеева.</i> Факторы ограничения прав и свобод человека в обществе.....	35
<i>А.В. Иванов.</i> Пропаганда преступного образа жизни должна быть запрещена законом.....	45
<i>Р.Р. Долотина.</i> Страховой интерес – объект гражданского правоотношения в сфере обязательного страхования профессиональной ответственности.....	51
<i>Р.Р. Долотин.</i> Межотраслевое регулирование процедуры реорганизации юридических лиц.....	60
<i>С.Х. Миннеханова.</i> Международно-правовые и гражданско-правовые проблемы участия государств в гражданском обороте государственного зарубежного имущества.....	66
<i>В.Г. Казаков.</i> Реформирование избирательной системы в РФ.....	75
<i>Р.Ф. Гарипов.</i> Деликтоспособность «нищих» граждан.....	76

Научно-практическое издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ
И ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ**

Выпуск 6

**ТОМ 3
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Научный редактор: К.Н. Пономарев

Редакционная коллегия: М.М. Галимов, М.Д. Щелкунов, М.Х. Фарукшин,
И.З. Шахнина, О.И. Алеев, В.И. Зуев, С.Н. Астахов, М.Н. Александрова

Издательство «Юниверсум». 420012, Казань, ул. Достоевского, 10.
Формат 60x90 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура New Roman. Тираж 200 экз.

ISBN 0-00000-000-8 (т.3)

© Александрова М.Н., Астахов С.Н., составление, 2007
© Оформление. Издательство «Юниверсум», 2007